Невинная для Лютого. Искупление

Автор:
Ольга Коротаева

Невинная для Лютого. Искупление

Ольга Коротаева

Диана Билык

Игры богатых #4

Я сделал любимой больно и готов на любые подвиги, только бы она взглянула на меня иначе. Увидела во мне единственного и верного. Но жизнь диктует свои правила, растаскивает нас по углам, чтобы взрастить или убить наши неокрепшие чувства. Но я не сдамся. Недаром меня зовут Лютым. Стану самым жестоким хищником, чтобы спасти свою «жертву». Жизнь отдам ради того, чтобы услышать от Ангела: «Я тебя прощаю».Вторая книга дилогии + бонусСодержит нецензурную брань.

Диана Билык, Ольга Коротаева

Невинная для Лютого. Искупление

Глава 1. Лютый

Я бежал. Быстро, на пределе возможностей.

Вязкая мартовская грязь липла к тяжелым сапогам, бегунок куртки, в котором застряла плащевка, терзал при движении подбородок, и горячая кровь скользила по шее. Руки были скованы наручниками, а кусок обшивки машины болтался на бедре и рвал джинсы острыми пластмассовыми краями.

Жуткую весть принес сегодня адвокат, забирая меня в суд.

После этой новости у меня душа завернулась в спираль, и ждать приговор я отказался. Все остальное утратило смысл, стало блеклым и тусклым, потеряло вкус и цвет.

Ангелина в опасности. Ребенок под угрозой. И события прошедшего месяца разлетелись пылью моего безумия и желания выйти на свободу, толком и не ответив за свои преступления.

Я спасу семью, чего бы это не стоило. Даже если придется нарушить закон, удвоить срок за побег, все равно пойду на крайние меры. Не смогу жить, если с женой что-то случится. Я пережил гибель любимого человека, больше не хочу – лучше сразу в гроб.

Однажды я уже поступил, как слабак, но Лешка Береговой тогда умер, вместо него теперь Лютый.

Когда мы ехали в суд на служебной машине, я понял, что другого шанса сбежать не будет. Руки были прикованы к перегородке по центру, будто я опасный преступник, и ни одной возможности остановить авто и раствориться в суматохе города. Ни одной поблажки. Хорошо хоть не в клетке везут, автозак сломался по пути в ИВС[1 - ИВС – изолятор временного содержания.], и меня забрали лешковушкой.

И через час мне помог случай. Жестокий, смертельный шанс, но выбирать не приходилось.

Я бежал. Все дальше и дальше по трассе от дымящейся машины, увязая сапогами в весенней каше, разрывая грудь холодным воздухом, рассекая плащевку куртки о кусты. Где скрыться? Куда бежать? Лесок в пятистах метрах отсюда выглядел реденьким. В нем настолько крупного, как я, человека заметить проще-простого – нужно искать что-то посерьезней для укрытия.

Я свернул с дороги и помчался через пригорок. Память подсказывала, что заброшенный поселок и старый разваленный мост должны быть по левую руку. Дорога туда давно закрыта, власти не могли поделить финансирование, потому строительство заглохло на стадии возведения стен. Вскоре на месте заложенного поселка вырос настоящий постапокалиптический город-руина. С домами прошитыми насквозь деревьями, покосившимися стенами и выглядывающими из-под веток кирпичными кладками.

Когда за спиной заревели сирены скорой и полиции, я поскользнулся и съехал в ложбину. Пока катился с высоты в несколько метров, или стекло, или штырь, что торчал из земли, глубоко врезался в ногу.

Да чтоб тебя! Водитель, которого я вынужденно вырубил, наверное, уже очухался и вызвал подмогу. Стоило крепче его привалить, зря пожалел.

Нужно спешить!

Я только задумался, как мне сбежать после возвращения из суда, как авария, почти провидение, открыла мне дверь на свободу. Жизнь подкинула горсть везения, как шинку голодной собаке.

Оттепель и грязь затрудняли бег, а еще мучило, что я бросил в разбитой машине людей. Мог ведь помочь, но сбежал. Вдруг там кто-то выжил.

Но раз мне так подфартило и не раздавило грудой мятого железа, я не упущу шанс спасти свою семью.

Адвокату и сопровождающим повезло меньше. Когда машина перевернулась, и нас на кашеобразном снегу занесло в кусты, окно со стороны лысого и довольно добродушного мужичка, проткнуло колючими ветками и почти достало до водителя. Выжить адвокат не мог, там и проверять нечего. Я столько крови еще никогда не видел.

Меня с двух сторон зажимали погибшие конвоиры. Один разбил голову о стекло и, как адвокат, влетел в ветки, второй вмазался в водительское сидение и не двигался, как кукла, насаженная на штырь. По его правому плечу стекала темная кровь.

Сжав зубы, я тряхнул головой, чтобы избавиться от болезненной удавки, что перехватила паникой горло. Соображал, как выбраться из машины. Не хватало еще подохнуть из-за того, что кто-то не справился с управлением на скользкой дороге. Я лучше умру в честном бою, чем так глупо.

В ушах гудело от удара по голове, даже не помню обо что, на зубах хрустело стекло, а язык обдавало железистым вкусом крови. Заметив, что водитель очухался и тянется к рации, я рванул руки с наручниками на себя, выдрав пластик и металлический стержень из перегородки, явно не предназначенной для сдерживания преступников, и толкнул спинку сидения. Водитель ударился лицом о руль, начал вырываться, как бешеный, и кричать: «Не двигаться! Оставаться на месте!», но я успел податься вперед и приложить его локтем по затылку, отчего мужчина быстро затих.

Оставалось только вывалиться из авто. Потратил еще минуту, чтобы вытащить водителя и, бросив его в снег, сорвался с места.

Я петлял мимо разрушенных домов и думал о жене. О том, как она приняла новость, что ей придется одной растить ребенка, пока меня не будет рядом. Как она согласилась ждать несколько лет того, кто ее обидел. Наверное, мне не нужны слова любви и признания, я и так понимаю, что она чувствует. Пусть любовь она проявляет не ко мне, а к малышу, но это многое значит.

И если бы не черная весть, я бы оставался в изоляторе и смиренно ждал своей участи. Расплаты за все, что сделал.

Я добежал до конца заброшенного поселка и споткнулся о спрятанный жухлой травой и снегом кирпич. Замер около стены, чтобы перевести дыхание. Кожа под наручниками стерлась до мяса, бедро заливало кровью, по левой щеке скользила вязкая горячая влага. Стерев ее рукой и звякнув железками, я понял, что далеко не убегу – в голове пульсировала знакомая агония, как после сотрясения. Я выпрямился и упрямо пошел дальше. Пусть и шатался, как пьяный. Не добегу, так дойду, не дойду, так доползу, но вернусь домой.

За спиной послышался взрыв. Я обернулся. Черное облако поднялось за кирпичными стенами. Закружилось, замоталось и, будто толстый великан, упало на поселок. Меня накрыло с головой удушливым дымом. Мир накренился, ушел в сторону, а потом перевернулся вверх тормашками.

Сергей был убит в камере – вот, что сообщил мне адвокат, и я понял, что бой еще не окончен.

Глава 2. Ангел

Ранее

День выдался солнечным, утренние лучи заглядывали в спальню и, жаля мне плечи, напоминали, что скоро придёт весна. Но меня это совсем не радовало.

Лёши всю ночь не было дома.

– Ангелина, ты уже поднялась? – голос Иры появился вместе с ароматом какао. – Я потороплюсь с завтраком.

– Не надо, – принимая тёплую кружку, покачала я головой. – Я не голодна.

– Тебе нужно есть за двоих, – с воодушевлением заявила Ира и погладила мой животик: – Привет, моя принцесса! Скажи маме, чтобы не морила тебя голодом! – Улыбнулась мне и добавила: – Я отнесу какао с зефиринками нашему принцу, а после сделаю вам оладьев и нарежу арбуз дольками.

– Хорошо, – смирилась я и вздохнула: – Хотя я и так уже как арбуз на дольках.

– А врач говорит, что набор веса недостаточный? – с подозрением прищурилась она и кивнула: – Сделаю ещё витаминный салат.

– Делай, – окончательно сдалась я и, забрав из её рук чашку Саши, отдала свою пустую: – А я пока сына разбужу. А то скоро доктор придёт.

– Снова приступ? – запереживала она. – Ты хоть поспала ночью?

– Немного, – не стала отпираться я и быстро, чтобы Ира не успела посетовать насчёт здорового сна, добавила: – Я с ним днём прилягу и подремлю.

Вышла из спальни. Прикорнуть удалось лишь под утро, когда Саша, наконец, перестал задыхаться и уснул. Конечно, приступы сейчас стали намного реже, но лечить ребёнка нужно долго и кропотливо. Я была невероятно зла на тех, кто довёл мальчика до такого состояния. Понимаю, что в приютах нет средств, чтобы проводить грамотное лечение, но ведь можно было перевести Сашку в специализированное заведение.

На миг замерла у недавно оборудованной детской и, постучав, спросила:

– Саша, я могу зайти?

Он сам открыл мне дверь. Тоненький, как тростинка. Со светлыми волосами до плеч, светлой кожей и огромными глазами мальчик напоминал маленького принца из сказки. Вот только худоба его была болезненной, кожа бледной от недостаточного ухода, да и тёмные подглазины много о чём говорили.

Я растянула подрагивающие губы в улыбке. Сердце сжималось от боли за ребёнка:

– Хочешь какао? Ира добавила твои любимые зефирки.

Он кивнул и, оставив дверь открытой, вернулся к столу. Усевшись на стул, взял в руки карандаш и наклонился над рисунком.

Я поставила кружку рядом и спросила:

– Это кот? – Разглядывая картинку, добавила: – Очень похоже.

– Это лошадь! – обиженно буркнул он.

– У, – протянула я и погладила мальчика по голове: – Это очень ласковая лошадь с мягкими копытами. Папе очень понравится такой подарок…

– Я рисую дедушке, – возразил Саша и поднял на меня глаза: – Он обещал научить меня кататься верхом, сразу как разрешит врач.

– Обещал, значит, научит, – подтвердила я. – Дедушка зря слов на ветер не бросает. Хочешь, я почитаю тебе про лошадок?

Саша тут же бросил карандаш и, пересев на кровать, выжидательно посмотрел на меня. Он почти не разговаривал, мало ел и боялся мужчин… Лишь моему отцу каким-то загадочным образом удалось отвоевать уголок в сердце ребёнка.

Но мальчик всё равно никого близко не подпускал. А первым делом, когда его привезли, потребовал отдельную комнату. У меня было ощущение, что это была мечта – своя собственная комната. Поэтому я попросила всех спрашивать разрешения у мальчика, прежде чем туда зайти. Чтобы никто не врывался в мечту Сашки, не топтал его чистую душу. Чтобы у сына был уголок безопасности.

Да. У сына. Я теперь жена Берегового, а Саша его сын, а, значит, и мой.

– А можно, – прервал он меня, – я почитаю? – Кивнул на мой живот: – Ей.

Я улыбнулась и протянула книжку. Буквы там большие, справится. Мы с Лёшей очень удивились, когда узнали, что малыш уже читает. Умненький.

Саша медленно, спотыкаясь, принялся важно читать по слогам, а я тихонько гладила его по волосам и молча благодарила за любовь к нерождённой ещё девочке.

В дверь постучали, и я вопросительно посмотрела на Сашу.

– Войдите, – важно разрешил он.

Заглянула Ира:

– Врач приехал. Что сказать?

Я сжала ладошку мальчика и поднялась:

– Мы спустимся. – Ира кивнула и закрыла дверь, а я повернулась к Саше и спросила с улыбкой: – Я попросила, чтобы прислали тётю-доктора. Ты же поговоришь с ней?

– Я не боюсь, – раскусил меня ребёнок. – Пошли.

Но руки моей не выпускал до тех пор, пока доктор, вывалив на нас неприятные вести, не ушла. Я устало присела на стул и посмотрела в окно. Заметив приближающийся чёрный джип, сказала Саше:

– Твой папа вернулся.

Мальчик бросил играть с Рыжуней, которую Лютый по моей просьбе привёз сюда, поднялся и заявил:

– Я пошёл рисовать!

И убежал наверх. Я лишь вздохнула. Как же помочь Саше наладить отношения с отцом? Мальчик не только не признаёт его, но даже откровенно боится.

Поднялась и пошла встречать мужа. Лютый, сняв пальто, обнял меня и, обдав запахом бензина и сырой земли, невесомо прикоснулся губами к моим. Опустился на корточки и, положив ладони на живот, который по сравнению с лапищами мужа смотрелся не таким огромным, поцеловал его.

Дочка пихнула его ладонь изнутри меня, и Лёша устало улыбнулся.

– Ты в порядке? – заволновалась я.

Лютый молча поднялся и прошёл к столу. Налив стакан воды, залпом осушил его. Я вздохнула:

– Врач приходил. Диагноз подтвердили, у Саши астма. Но… – всмотрелась в лицо мужа. – Расскажи. Я же вижу, что ты встревожен.

Он обвил меня руками, осторожно сжал в объятиях и шепнул:

– Всё будет хорошо.

Завибрировал в кармане телефон. Я достала его и, глянув на номер, похолодела.

– Не будет.

Глава 3. Лютый

Через неделю после хорошей новости о том, что Саша жив, мы забрали его из интерната. Сын стал другим – вытянулся, волосы отросли, глаза стали больше, взгляд осмысленней, но и холоднее. Он воспринимал меня не как отца, а как чужого дядю. Первые дни совсем шарахался и убегал, не давался в руки, пугливо сжимался. И это безумно ранило.

Папой он меня больше не называл.

– Тетя Маша, – зайдя в кухню, я устало сел за стол, – Агате вот-вот рожать. Мы снег с крыш сняли, но мне не нравится, что трещины пошли, и потолок вздулся – может рухнуть. Вызвал ремонтников.

– Хорошо, я встречу, а Миша проследит за работой и переведет красавицу в безопасное место.

– Да, придется какое-то время дежурить около нее. Ветеринар волнуется, что сложные роды предстоят.

– Ангелине сказал? – заулыбалась тетя и всмотрелась в мое лицо. – Какой-то ты бледный. Кофе сделать? Есть запеканка. Твоя любимая.

Я поднялся.

– Не говорил еще Лине, не хочу лишний раз тревожить. Нет, спасибо. Я уже дома позавтракаю, – подошел к тете, поцеловал в щеку и поспешил к выходу, но она остановила:

– Ты обеспокоен чем-то еще.

– Ты была у Милы на кладбище после нашего возвращения?

– Забегала, чтобы снег убрать и проверить все ли в порядке. А что?

– Да ерунда, – отмахнулся я. Хотя тревога не оставляла, грызла, будто под ребрами завелись термиты. – Все, убежал.

– Как Саша? – добавила масла в огонь тетя.

– Все сложно, – я не обернулся. Стоял застывшей глыбой на пороге кухни и смотрел в пол. Будто это поможет.

– Больше терпения, сынок. Мальчик напуган, ему нужно привыкнуть к новому дому. Плюс здоровье слабое…

– Сын меня не помнит, – перебил я и опустил голову на грудь, сжал губы и слегка стукнул кулаком по косяку. – Вообще не помнит.

– Много времени прошло. Ему тоже было непросто все это пережить.

– Мы так и не узнали, что случилось. Сер… – я поперхнулся, – этот урод все еще молчит. И на суде молчал. Скотина.

– Леш, сейчас главное Лина и Саша, оставь расследование. Виновный наказан, не терзай себя и других.

– Ты права, но… – я потер кулаком грудь. Так свербило там. – У меня такое мерзкое ощущение последнее время, будто мы что-то упускаем.

– Езжай домой, а то Лина беспокоится, наверное.

Я кивнул и молча ушел. Оставив за спиной холодные мысли и темные сомнения. Тетя Маша правильно говорит, нужно учиться жить дальше.

За ночь, пока спасали конюшню от обвала, машину занесло снегом. Пришлось повозиться, чтобы хоть стекла освободить. Под руку попался кусочек картонки. Треугольник идеальной формы. Я перевернул его, счистил снежинки, что обжигали кожу холодом, и едва не упал от пронзившего шока. Фотография сына. Та самая, что я оставил на могиле Милы. Через столько дней внезапно оказалась на моем капоте? Разрезанная?

Я обернулся в ужасе. Никого вокруг. Только сосны поскрипывают и птицы воспевают на ветвях скорое приближение марта. А пока зверствует лютый[2 - “Лютый” – по-украински “февраль”.], по-нашему – февраль.

Я изучил надрез на фото. Идеально по диагонали, будто лезвием.

Только одна тварь могла так сделать. Но он же мертв. Мертв!

Или снова обман и игра в марионетки? Сердцу стало тесно в груди. Оно заколотилось, прыгнуло вверх и заперло дыхание. Я согнулся и долго приходил в себя.

Такие вещи не случайны, фото сами по снегу не скользят и в воздухе не распадаются на части. Это человек сделал. Значит, над моей семьей нависла новая гроза.

Я прыгнул в машину и подгоняемый адреналином, вдавливал педаль в пол, чтобы добраться домой как можно быстрее.

Тестя встретил на улице, у крыльца. Кирсанов мрачно окинул меня взглядом, сдержанно кивнул и пошел к своей машине. Я поговорю с ним позже, нужно сначала все выяснить.

Когда я почти дошел до двери, зазвонил телефон.

– Алексей, – скрипучий голос Настиной соседки насторожил, – вы просили за девчонкой присматривать. Утром увезли ее куда-то. Двое громил. Она и пикнуть не успела.

– Номера записали?

– Да ментовские машины, записала, скину смс-кой.

– Благодарю за бдительность.

– Я же всегда рада, – протянула старушка. За сотню баксов в месяц она готова была почти на коврике Волковых спать.

В доме было тепло, привычно пахло молоком и шоколадом. Ира каждый день какао готовила. Я не очень люблю, а Ангелу нравится.

Стоило мне зайти внутрь, как сын, будто столкнулся с монстром из шкафа, бросился по ступенькам наверх, в свою комнату. Сердце болезненно сжалось, но я не окликнул Сашу. Не хочу, чтобы он видел во мне тирана, заставляющего себя любить. Нет. И жену не заставлял. Любил сам, молчал об этом, но любил.

Все, что мне позволялось – это объятия. Я прижался к Лине и втянул ее запах. Мне больше и не нужно. Только бы знать, что она дома, в безопасности.

На УЗИ нам сказали, что будет девочка. Даже тесть растрогался, спрятал блестящие глаза и украдкой утирал слезы, а у меня от счастья в голове стало пусто, и я забыл, что прежде чем целовать Лину должен спросить разрешения. Она промолчала. Позже и дома я украл несколько таких поцелуев, когда маленькая смеялась с неуклюжего Сашки, что играл в снегу.

Это были безобидные ласковые поцелуи. Не больше. Большее я не заслужил и не просил.

Я признал, что она мне нужна. Что люблю, но в ответ этих слов так и не услышал. Да, Лина ценит меня, уважает, прислушивается, но все еще держит на расстоянии. Зато проявляет преданность к нашему ребенку и возится с Сашкой, хотя он ей вообще никто.

– Ты в порядке? – Ангел очень чуткая, а еще читает мои эмоции, как книгу, но сегодня я не буду ее тревожить. Сначала проверю догадки.

Обнял девушку, прошептал, что все будет хорошо и опустил взгляд на звонящий телефон в ее руке.

«Чехов» – горело на экране.

Глава 4. Ангел

– Я отвечу, – сухо сказал Леша и перехватил мою руку. – Не позволю тебе в это лезть.

И снова меня отшвырнуло назад, в прошлое, где я жила в страхе и ненависти. Сжавшись, я не моргая смотрела на Лютого. Тёмный взгляд, перекосившееся лицо, плотно сжатые губы. Его ярость была мне слишком знакома, она будто выворачивала меня наизнанку, оголяла нервы.

– Присядешь? – Леша отстранился, будто понял, что я испугалась. Взял телефон и, мазнув дрожащим пальцем по экрану, приложил мобильный к уху, замер и прислушался.

Я отступила на несколько шагов и прижалась к стене. Пытаясь выровнять дыхание и успокоить сердце, казалось, выдающее все двести ударов минуту, убеждала себя, что прошлое в прошлом. Что Лютый изменился. Что мой муж никогда не обидит меня. Больше никогда.

Дочка, будто ощутив мою нервозность, начала пихаться, да так болезненно, что я застонала. Скривившись, выгнулась от острой боли – будто малышка попыталась просунуть пятку меж моих рёбер.

Леша ступил ко мне, сжал плечо, а сам вслушивался в телефон. Откинул трубку и присел, коснулся щекой живота, погладил ладонью.

– Тише, папа тут. Не волнуйся и не дерись. Ангел, – он поднял голову, – я не хотел напугать. – Кивнул на стол. – Как его номер у тебя в телефоне остался? Мы же удаляли, кажется.

– Кажется, – пробормотала я, не зная, чего я в данный момент больше боюсь. Прошлого, что вдруг напомнило о себе, или будущего, каким ужасным оно может стать, если Чех каким-то образом выжил. Подумав, осторожно коснулась

волос мужа и спросила: – Это ведь может быть кто-то другой? Чья-то несмешная шутка. Врагов у нас хватает. Тот же Носов… Он мог узнать о слитых данных.

– Кто бы ни был, ничего не бойся, – глаза мужа странно загорелись, блеснули затягивающей чернотой. – Никто к вам не приблизится и на шаг. Верь мне.

Губы мои дрогнули. Как можно одновременно бояться и верить? Это будто сухая вода. Но во мне ещё подрагивал ужас, топил меня горечью прошлых обид, а в то же время на сердце становилось тепло, когда Лёша клялся защищать нас.

Нет, я не верила. Я знала, что муж костьми ляжет, но никого к нам не подпустит. Лёша окружил нас ненавязчивой заботой, и даже по ночам, обнимая меня, лишь целовал волосы, хотя я прекрасно ощущала, что ему хочется большего.

Медленно выдохнула и пожала его плечо. Хотела рассказать о Саше, о его забавном рисунке, как по мочевому пузырю будто ножом полоснули.

– Ай, – выдохнула я и, освободившись из объятий мужа, мелкими шажками засеменила в сторону туалета.

Только бы добежать! Но тот был занят. Подниматься на второй этаж сил не было, и я заколотила в дверь.

– Ира, скорее-скорее, а то сама убирать будешь.

Больше было некому, папа на работе, Саша в своей комнате и носа не высунет до обеда. Ирина вылетела, как ошпаренная, пуская меня в вожделенную комнату. Я облегченно выдохнула – не опозорилась.

– Да что за наказание? – проворчала, выходя. Избегая смотреть на Лютого, ощущала себя не в своей колее. Смущённо добавила, будто оправдывалась: – Вроде и не пью много, а как приспичит, так хоть вой.

– Ребёночек на мочевой пузырь давит, – счастливо заулыбалась Ира. – Наша девочка растёт!

– Лина, – муж пошел к двери, стал снова одеваться. Только вернулся же. – Отец не говорил, когда приедет?

– Я спала, когда он ушёл, – ответила и, заволновавшись, направилась к нему: – Куда уходишь? Надолго?

Леша поджал губы, но ответил мягко:

– Проверю конюшню. Через пару минут вернусь.

Сердце забилось чаще, я потянула мужа за руку:

– Что случилось? Ты ночью там был? Лёша, расскажи, а то я придумаю такое, что сам не рад будешь. Кто-то заболел? Кто?

Волнение нарастало.

– Нет, я лучше с тобой пойду. Ир, принеси пальто!

Леша подошел ближе и, не спрашивая разрешения, коснулся губ, а потом выпалил:

– Не хотел тебя волновать, но Агату я купил беременной. Скоро роды. Лина, ты лучше почитай об этом, я совсем не разбираюсь. А дома все в порядке, просто гляну, хорошо ли почистили снег.

Я даже задохнулась от возмущения:

– А почему молчал? Какое волнение? Я ни капельки не волнуюсь… – Обернулась и крикнула спешащей ко мне с пальто Ире: – Где мой ноутбук? Я сейчас же скину сообщение в нашу ветклинику, и они найдут специалиста. Агата! Девочку надо осмотреть. – Встрепенулась и посмотрела на хмурого Лютого: – Папа! Так вот почему ты спрашивал о нём? – Помотала головой: – Нет, я сама всё улажу. Совершенно спокойно!

Леша засмеялся, потянул меня к себе.

– Я уже вызвал ветврача, все уладил, моя воинственная женщина. – Он вдруг перевел взгляд на лестницу, и одними губами сказал: – Саша?

Я вздрогнула, но оборачиваться не стала. Если Саша спустился, не стоит обращать всё внимание на мальчика – это напугает ребёнка. Но и игнорировать не стоит. Высвободилась из объятий мужа и легонько улыбнулась:

– Хорошо, иди посмотри. А мы будем ждать. – Обернулась и неторопливо направилась к застывшему в нерешительности мальчику. – Да, Саш? – Подошла и, взяв его за руку, посмотрела на мужа: – Папа проверит, как там лошадка, у которой в животике жеребёнок, и вернётся.

– Жеребёнок? – заинтересовался Саша и покосился на мой выступающий живот. – Так же, как и у тебя, мам?

У меня дыхание перехватило, глаза защипало, к горлу подкатил ком так, что не сумела и слова вымолвить. Надо было пошутить, что у лошадки жеребята, а у людей ребята, но сумела лишь кивнуть.

– Хочешь посмотреть? – хрипло спросил Леша и осторожно ступил к сыну. Хотел протянуть руку, но мальчик испуганно перешел на ступеньку выше.

Пальцы мальчика впились в мою ладонь, причиняя боль. Я с трудом проглотила вставший после слов мальчика в горле ком и взъерошила волосы Саши.

– С мамой и папой вместе посмотреть на лошадку… – Улыбнулась и хитро добавила: – У которой, как и у меня, скоро будет малыш. Хочешь?

По лицу ребёнка легко было прочесть раздирающие его сомнения, страх и огромное любопытство. Саша очень похож на отца, такой же эмоциональный. И так же пытается это скрывать. Сколько же боли выпало на долю маленького человека!

Я перебирала пальцами мягкие волосы и молча ждала решения мальчика. Как и Лютому, ему было нужно время, чтобы победить своих демонов. Как и Лёше, ему очень хотелось снова поверить в то, что жизнь не только боль.

Глава 5. Лютый

Мне хотелось на воздух, но я не двигался. Стоял, будто вкопанный, и ждал ответа. Я готов вторые сутки не спать, лишь бы увидеть от сына хоть маленький шаг навстречу.

И благодарность Лине распирала грудь, но я сдерживал чувства и неосознанно сжимал кулаки. Увидев обжигающий взгляд Саши, спрятал руки за спину.

– Я жду вас на улице, – проговорил с трудом и вытолкал себя на крыльцо. Как же тяжело представлять, что видел сын в ту ночь. Это заставило его вычеркнуть меня из памяти, а Лина для него теперь Мила. Та, которой больше нет. Я сам опускал тело в гроб и сам закапывал. Нет ее, но для малого она все еще жива.

Приложив ладонь к холодной стене, выдохнул через зубы, чтобы сдержать поток грубостей. Я старался меняться, не материться, быть лучше, мягче, сдирать с себя налипшую за последние годы грязь. Это было тяжело.

И звонок не шел из головы. На губах дрожали самые плохие слова в моем лексиконе, а разрезанное фото сына добавляло остроты, пугало до чертиков. Лина не должна об этом узнать, пусть лучше лошадью занимается. Это отвлечет ее от правды, а с тем, кто может тревожить мою семью, я разберусь.

Я отлепился от стены и пошел в домик охраны. Двое мужчин стояли у ворот и распускали вокруг себя облака дыма. Не переношу запах сигарет, и ребята знают, выбросили бычки в мусор, стоило мне подойти ближе.

Распорядившись об усилении охраны по периметру усадьбы тестя, я сходил на конюшню. Там было сухо и убрано, новый конюх отлично справлялся.

Когда вернулся к дому, с надеждой посмотрел на дверь, и она внезапно открылась.

Лина вышла одна. Она виновато улыбнулась и, кутаясь в пальто, сошла по ступенькам. Приблизилась и шепнула:

– Немного терпения, Лёш. Он уже сам спустился к нам. Ему любопытно, а значит, всё изменится. Если не настаивать, не заставлять лиса выйти из норы, он сам высунет нос посмотреть, чем таким интересным мы занимаемся. – Она мило сощурилась и прикрыла рот ладонью. – Папа учил. Это один из законов бизнеса, но он и тут может пригодиться.

Схватилась за мою руку:

– Поехали навестим Агату? Я бы и к тёте Маше заехала. Такую запеканку, как делает она, и мишленовском ресторане не попробуешь! – Улыбка сползла с её губ, и Ангел добавила: – А ещё нам нужно поговорить о новости.

– Лин, прошу, не лезь, – говорил очень мягко. – Шестой месяц, береги малыша, я разберусь, кто мог звонить.

Жена стала еще симпатичней с круглым пузиком, но теперь у меня не было иллюзий, и внешне она никогда не напоминала больше Милу, но вот ребенок мог ошибаться из-за стресса.

– Нужно вызвать психолога. Саша что-то видел. Сомневаюсь, что узнаем подробности, но попробовать можно, – помогая Лине забраться в машину, залез в салон, чтобы ее пристегнуть. – Он назвал тебя мамой, – глаза защипало, я подался назад, потому что близость нежных губ и глубоких глаз манила, топила меня в жажде проявить больше чувств.

– Звонок очень неприятный, – передёрнула плечами Лина, – но я о Саше. Мне кажется, ты не услышал меня, когда я сообщила о подтверждённом диагнозе. Ему поставили астму, Лёш. Это очень серьёзно. Доктор сказала, что если бы его привели к ней хотя бы на год раньше, всё было бы иначе. А теперь…

Она поперхнулась и, прикусив губу, отвернулась к окну. Медленно выдохнула и продолжила обманчиво спокойно:

– Нам нужно решить, как мы будем с этим справляться. Предложили два пути. Будем лечить его дома, окружая любовью и заботой, но это долго и опасно. Или же больница?..

Она повернулась и полоснула меня острым, как бритва, взглядом:

– Он только-только привыкать стал. Обрёл уголок, где чувствует себя в безопасности. Заговорил, даже к тебе вышел! Неужели всё это напрасно? Доктор настаивает на больнице, и я всё понимаю, но мне кажется, там ему станет хуже. Сердцем чувствую!

Я проверил крепеж, кивнул и вышел на улицу. Когда сел за руль, чувствовал, что Лина глаз с меня не сводит.

– Я знаю о диагнозе, маленькая. Ему еще в три года его поставили. Я ведь дом в соснах купил ради Саши. Нужно будет в больницу – ляжем. Будем втроем в палате, – повернулся и, перехватив ее холодную руку, поцеловал. – Вернее, вчетвером.

Лина втянула воздух и часто-часто заморгала. Глаза её влажно заблестели, с губ сорвалось:

– Спасибо. – И, зажмурившись, отчего по щекам скользнули две прозрачные капли, со смехом добавила: – Только нужно пятиместную палату искать. Папа нас одних ни за что не отпустит!

Прежде чем потянуться, зажмурился, боясь, что прогонит, потом коснулся ее щеки и осторожно вытер слезы.

– Как захочешь. Ты только не плачь, мы справимся. Поехали?

Лина положила прохладную ладонь на мою руку и, прижав к себе, глубоко вздохнула, будто перед прыжком в ледяную воду, а затем очень медленно повернула голову и прижалась мягкими тёплыми губами к моей ладони.

Чтобы не переборщить с эмоциями, я перевел разговор на другую тему:

– Тетя предлагала мне сегодня запеканку. Как знала, что мы приедем, – переместил руку, скользнув по щеке девушки и, не удержавшись, вплел пальцы в волосы. Лина не оттолкнула, но замерла, затаила дыхание и распахнула шире голубые, как небо на рассвете, глаза, потому я снова отступил. Убрал руку,

повернулся и завел машину.

В животе у Лины громко заурчало, и она сжалась, едва сдерживаясь.

– Кажется, кому-то ещё хочется запеканки, – давясь смехом, с трудом выговорила она и, охнув, прижала руку к боку: – Двойную порцию, я поняла!

– Чур, я дочку кормить буду? – подхватил веселье.

Она растерянно моргнула и ответила:

– Хорошо.

Опустила глаза и, просматривая контакты на своём телефоне, вызвала кого-то.

– Альберт Семенович? Ангелина Кирсанова… – Виновато покосилась на меня и поправилась: – Береговая. Да, замуж вышла. Спасибо. Вы в ближайшее время не заняты, если будет нужна консультация? У нас кобылка на сносях… – Повернулась ко мне: – Сколько лет Агате? А… разъединилось.

Телефон завибрировал в её тонких пальцах, и Лина поспешно ответила:

– Да, Альберт Се…

Застыла и, посмотрев на меня, побелела, как мел. Нежные пухлые губы, что обрели синеватый оттенок, будто Ангел замёрзла, шевельнулись:

– Да, господин Чехов. Слушаю вас.

Глава 6. Ангел

Лёша ударил по тормозам и, остановив машину, требовательно протянул руку. Я отвернулась, не давая ему забрать телефон.

Да, это Чех. И он жив. Такие гады не умирают. За мгновение в голове пронеслась куча мыслей. Оборотню в погонах нужно было спрятаться, поэтому он и инсценировал свою смерть. Уверена, что с его связями это не сложно.

От кого он скрывался? Вывод напрашивался сам собой: от внутреннего расследования. Потому что в тот день его должны были посадить. Женщина, которую порекомендовал нам Макс, мёртвой хваткой вцепилась в жертву, и та решила притвориться мёртвой.

Но знает ли Чех, кто именно подставил его? Сумел ли он найти ниточку ведущую к папе? К нам? Вряд ли, иначе не раскрылся бы. Значит, ему что-то нужно.

В груди прокатывались волны болезненного жара от ужаса, но мой голос прозвучал на удивление спокойно.

– Слушаю вас.

– Я рад, что созданная мной ячейка общества прижилась, – «счастье» Чеха данным фактом было явным издевательством. – Значит, я правильно всё рассчитал. Как протекает беременность, Ангелина?

– Спасибо за беспокойство, – голос будто звучал отдельно, был лишён эмоций, хотя внутри меня всё кипело. Хотелось высказать Чехову всё, что я о нём думаю, но стоило быть осторожной. – Что вам от меня нужно?

– Сразу к делу? – довольно усмехнулся он. – Видно, что ты дочь своего отца. – Его голос жалил ледяными стрелами: – Переведи мне сто тысяч долларов на указанный в закрытом чате тотализатора счет, и я намекну, где сейчас находится сестра Сергея Волкова.

Связь прервалась, а я растерянно посмотрела на Лёшу:

– У Сергея есть сестра?

Лицо Лютого исказилось, кожа руля под пальцами жалобно скрипнула. Муж резко распахнул дверь машины и вышел на улицу, прошипел что-то в морозный воздух. Отбежал подальше и, согнувшись, закричал.

Я слышала обрывки очень грязных слов:

– с…ка… разь… Как?! Как он выжил?! Не понимаю! Сучья …рда.

Я сжала телефон, понимая, что наша жизнь рассыпается песочным замком под действием неумолимых волн судьбы. Не моей судьбы. Всё, что со мной происходило эти месяцы – не моя доля, а навязанная Чехом. И его слова «созданная мной» явно намекали на это. А от самодовольного «я всё правильно рассчитал», затошнило.

Дёрнула ручку машины и, с трудом выбравшись из джипа, согнулась пополам. Меня вырвало, и малышка зашевелилась внутри. Я тут же выпрямилась и нежно погладила животик:

– Тише, тише, всё будет хорошо. Папа никому не позволит причинить нам вред, да и мама не так слаба, как хотелось бы врагу. – Я горько усмехнулась. – Пришлось отрастить колючки.

Ощутив приближение мужа, обернулась и, вытерев рот, улыбнулась:

– Кажется, меня укачало. Отвези меня домой, пожалуйста. Я Агату потом навещу. Если будет нужна помощь, дам телефон специалиста. Папа к Альберту всегда обращается, когда у племенных лошадей срок рожать подходит.

– Мы почти приехали, передохнем немного в доме и вернемся, – Леша коснулся моих плеч, слабо сжал. Он раскраснелся, глаза сверкали глянцем, а могучее тело сотрясалось от дрожи. – Лина, посмотри на меня, – вдруг довольно строго сказал муж и слабо потрепал меня за шубку. – Я спрячу тебя. И Сашу. Должен быть выход. И не перечь, я не позволю тебе лезть. Ты мать моего ребенка, и должна хоть немного слушаться. Никаких шипов не нужно, достаточно накололась о мои ошибки. Ты беременная слабая девушка, а не воин в доспехах, что будет разбираться с больным ублюдком, способным на все. Я не позволю, слышишь?! Или настолько мне не доверяешь? Еще раз ответишь этой мрази, я убью его голыми руками, клянусь. Сяду, но буду знать, что ты в безопасности. Хватит играть с огнем. Я втянул тебя, я тебя и вытащу. Найду способ, просто доверься и дай немного времени. Ангел, пожалуйста, – он прижался к моему лбу и тихо добавил: – Настя. Сестру Сергея зовут Настя. Она инвалид, и сегодня ее вывезли из квартиры люди в погонах, мне соседка звонила. Я присматривал за

девчонкой после суда, боялся, что сама не выживет. Она упертая, на тебя похожа, не подпустила меня и близко к дому. За брата обиделась… – Леша резко замолчал и тяжело задышал.

Я не знала, что сказать. Но и молчать сейчас нельзя. Вдохнула, открыла рот… и снова закрыла. На сердце скреблись кошки – Лёша прав. Я не подпускаю его к себе, лишь позволяю быть рядом.

– Извини, – выдавила с трудом. – Я в отца. Нам… трудно доверять. А ты… – Сказать это было трудно, особенно зная, что мужа слова расстроят, возможно разозлят, и как он поступит, трудно предугадать.

Лютый вспыльчив и бескомпромиссен, потому и прозвище такое заслужил. Но мы с ним уже не просто в связке, мы скованы. Браком, Сашей, ещё нерождённой малышкой.

– Я пытаюсь, Лёш. Честно пытаюсь довериться тебе, но меня так воспитали. Отец всегда говорил, что рассчитывать в этом мире я могу лишь на себя. Что предать может даже самый близкий. Что нужно…

Замолчала, заметив, как изменилось выражение лица мужа Вздохнула и тихо сообщила:

– Чех приказал перевести сто тысяч на его счёт. Тогда он скажет, где Настя. – И торопливо добавила: – У меня есть, даже папу не нужно просить, но предупредить, что Чех жив стоит. Я боюсь, что он мог догадаться, кто навёл на него отдел внутреннего расследования.

– Лина! – Леша отошел немного и свел брови. – И ты собиралась все это сама провернуть? С пузом, подпирающим мочевик? Да елки-палки! Ладно не подпускать меня к себе, не давать проявить хоть малейшую ласку, но вот так рисковать ребенком! Проснись уже. Мы не в сказке, а я твой муж. Хреновый, но какой есть. Дай мне это решить, не лезь на острие ножа.

Глава 7. Лютый

К дому ехали молча. Лина отвернулась к окну, плечи ее подрагивали, а я не знал, что делать. Хотелось обнять и сказать, что все будет хорошо, но у меня не было этой гарантии. Пока жив псих, который натравил меня на Кирсановых, хорошего ничего не будет. И зачем ему Настя? Что за нелепость?

Я затормозил у дома тёти Маши слишком резко, сжал руль до боли в суставах. Долго сидел, не двигаясь, и смотрел вперед. Есть у меня одна мысль, как вывести урода на чистую воду, но жене это не понравится. Значит, она не должна об этом знать.

– Лина, пойдем, – потянулся к ней, завел светлые локоны за ухо, чувствуя, как по кончикам пальцев катится ее трепет и страх, как скручивается узел похоти в чреслах от такой близости.

Отступить? Снова отстраниться, когда хочется быть ближе?

Хватит бояться прикосновений – она моя жена. Принуждать к сексу я не буду, но и шарахаться от меня столько времени – нож в сердце. Разве Лина не понимает?

Сцепив зубы, я отмахнулся от обид и своих личных претензий. Просто не имею на это права. Придется терпеть всю жизнь? Буду. Я виноват, и готов платить любую цену за то, чтобы жена и любимая простила.

Выдохнул, стараясь не выдать своих переживаний, пригладил ее волосы.

– Маленькая, доча кушать хочет. Пойдем в дом?

– У меня есть эти деньги, – глухо сказала Ангелина и посмотрела прямо в глаза. – Переведу Чеху и узнаем, где девушка. Раз ты так переживаешь, Настя для тебя не пустой звук.

– Не пустой, но я сам переведу. Ты чем слушала, Ангел?

– Дослушай, пожалуйста, – попросила она, уголки губ её дернулись вверх: – Муж. Если Чех вышел на меня, значит, не подозревает. А ещё ему нужны деньги. Переведу я, а ты в это время свяжешься с той женщиной из отдела внутреннего расследования. Думаю, счета Чеха они прикрыли, раз ему деньги срочно

потребовались… И по этой сумме можно будет отследить местоположение нашего врага и доказать, что он жив.

Жена положила ладонь мне на руку и снова улыбнулась.

– Мы сделаем это вместе, потому что семья. Я же вижу, Лёш – ты что-то задумал. Да, я слабая беременная женщина, но я – твоя слабая беременная, но умная женщина.

И я не выдержал. Налетел на ее манящие губы и жадно, до черноты перед глазами и острой боли в паху, целовал, ласкал язык и путал свои пальцы в изумительно-гладких волосах. Придерживая затылок и не выпуская Лину из своих объятий, до потери контроля врывался в ее рот. В машине было тесно, а в моей груди еще теснее. Я задыхался.

Очнулся, когда жажда прокатилась по всему телу цунами и свернула вожделением низ живота. Оторвался от жены и приподнял руки, будто сдаюсь.

– Лина, маленькая, прости. Я… – зажмурился и закусил пылающие губы. – Хотел сказать, что ты… – приоткрыл осторожно один глаз, – невероятная.

Она сидела, не дыша, смотрела на меня расширившимися блестящими глазами и беззвучно шевелила припухшими от поцелуя губами. На миг улыбнулась и, опустив взгляд, завела упавшую на щёку прядь волос за ухо. Но голос прозвучал прохладно, будто улыбка мне померещилась:

– Пойдём в дом, тётя Маша уже из окна смотрит.

Выскочив на улицу, я тихо чертыхнулся в воздух, обежал машину и помог жене выйти.

Через полчаса мы уже разогрелись, ушло чувство морозной скованности, Лина разрумянилась, и я осмелился сделать еще один маленький шаг. Сел рядом, поставил тарелку с запеканкой поближе и заулыбался.

– Ты обещала, – наколол кусочек творожного десерта и выжидающе посмотрел на Ангелину.

Тетя Маша тихо закашляла, набирая воду в чайник, но я не дрогнул. Если мне придется сделать то, что задумал, у нас осталось немного времени для общения с женой. Пусть она хотя бы запомнит меня заботливым.

Лина покосилась на меня и, погладив животик, проговорила:

– За папу.

Открыв рот, аккуратно взяла губами кусочек запеканки.

– За маму, – я отколол еще один, а тетя быстро и тихо смоталась с кухни.

Жена, тихо засмеявшись, шепнула:

– Напугали.

И слизнула с кусочка капельку стекающей сметаны.

Я растянул губы в улыбке, наверное, она покажется ей придурковатой, потому что за последние два с хвостиком года я впервые почувствовал себя счастливым, хотя и тревожился.

– За братика? – отколол еще кусочек.

Лина выпрямила спину и отстранилась:

– Надо позвонить Ире, как там Саша. Не испугался ли. Меня давно уже нет дома.

– Лина, – я придавил тоном. – Ешь спокойно. Мы передохнем полчаса и вернемся.

Я надеялся, что Лина увлечется, хоть немного успокоится, но она неисправимая. Любит все контролировать, властная женщина. Наверное, это меня и привлекало в ней всегда.

Лина хотела возразить… а может, согласиться – этого я узнать не успел.

– Ой!

Жена прижала ладонь ко рту, подскочила и исчезла за дверью уборной. Вышла довольно быстро. На щеках жены сверкали капельки воды, будто она решила не вытирать лицо полотенцем.

– Пихнула так сильно, прямо по желудку, – пожаловалась громко и рассмеялась: – Хулиганка.

– Это нормально, что она так активна? – забеспокоился я, поднявшись навстречу. – Часто дерется. Иди сюда, – взял девушку за руку и повел к дивану в гостиной. Я был словно в тумане: очарован ее непринужденностью, но и безумно напуган за ее жизнь.

Чех. Чех. Чех. В голове пульсировало, будто сигнальная лампочка. Не мне звонил, а Лине. Что-то тут не так. И Настя. Почему именно ее он забрал? Почему?! Как она там? Что бы ни сделал Сергей, девчонка не должна страдать. Она же даже закричать толком не сможет!

– Сядь, – попросил я, и когда Лина послушалась, устроился рядом. Развернул ее от себя, заставив смотреть в стену. Стал разминать зажатые плечи и спокойно говорить: – Будь осторожней. Никаких больше ответов на странные звонки. Это мужские игры, я запрещаю тебе вмешиваться, – провел пальцами по маленькой спине, свел ладони в центре, где сильно выпирали позвонки, снова огладил плечи и спустился по рукам. – Обещай. Ангел.

– Нам от этого боя не уйти, Лютый, – вздохнула она и осторожно оперлась на меня спиной. Поглаживая живот, добавила: – Мы думали, противник в нокауте, а это лишь нокдаун. – Она запрокинула голову и, глядя на меня, улыбнулась. – Мне было интересно, чем ты увлекался, вот папа и достал старые записи боёв.

– Зачем, Лина? Это скучно ведь, – я искренне удивился и провел пальцем по ее щеке.

Кожа густо покраснела, взгляд жены чуть потемнел.

– Это интересно, – с лёгким смущением объяснила она. – Смотрела для того, чтобы понять твою тактику боя. А ещё мне стало интересно, что я почувствую, когда тебе будет больно. Конечно, ты почти всегда побеждал, но порой доставалось.

– Да, – я качнул головой. – И выдержу сильные удары, а ты – нет, потому – это мой бой, а ты останешься за старшую. Дома, – я обнял Лину со спины, вжался, как мог. – Я так за вас боюсь, – поцеловал в шею, вкрай обнаглев. Я был будто пьян. День сумасшедший, ужасно хотелось спать, но не хотелось упустить эти драгоценные минуты нашей близости. Наверное, больше таких не будет.

– Значит, ты согласен на моё предложение, – Лина вернула разговор к деньгам. – Я перевожу сумму… из дома! А ты выводишь ищейку на дичь.

– Ты неисправима, – я положил голову на спинку дивана и устало прикрыл глаза. Притянул к себе Лину ближе и, вдохнув запах ее волос, снова откинул затылок назад.

Как же хотелось спать.

Я помню, как пахли волосы Милы – сладкими тропическими фруктами. Лина пахнет иначе, теплее, что ли. Или мне так кажется?

Глава 8. Ангел

Я ненавидела Лютого! Смотрела сейчас на него спящего и снова истекала ядом злости, да так, что тошнота подкатывала к горлу, и выкручивались нервы.

Почему он ведёт себя так, будто я фарфоровая статуэтка времён Екатерины Второй? Пылинки сдувает! Поддержал меня, когда я, качаясь, как шарик с водой, не удержала равновесие. Следил за каждым движением и никому не давал приближаться ближе, чем на три шага. Даже отцу приходилось выдерживать дуэль взглядами, чтобы обнять меня после рабочего дня.

Ненавидела Лютого! За то, что кормил меня, как маленькую. Аккуратно вытирал мне пальцем губы, облизывая при этом свои. За то, что взгляд его теплел, когда муж смотрел на меня. И как при этом преобразилось изуродованное шрамом лицо, выглядело до противного милым. За то, что пытался заставить меня слушаться и безоговорочно принимать его решения.

За то, что вел себя так, как я всегда мечтала, будет относиться ко мне муж.

И когда Лёша обнял меня, осторожно целуя, снова ощутила его возбуждение. У меня складывалось впечатление, что муж всегда возбуждён. Но даже ночами, прижимая меня к себе, ни разу не заикнулся о повторении брачной ночи.

– Ненавижу! – выдохнула я, прикасаясь к лицу Лёши. Провела кончиками пальцев по длинному уродливому шраму, погладила мягкие волосы. – Как же я тебя ненавижу.

Раньше, заметила на старых фото, Лютый носил короткий ёршик, но теперь волосы отросли, и я перебирала пальцами непослушные вихры. Читала, что волосы растут в разные стороны у крайне эмоциональных людей. Да, Лютый всегда был таким, и без подсказок ясно. Стихия, сносившая всё на своём пути!

И меня…

– Я обещала, что не буду ненавидеть, – прошептала я. – И не сдержала своего слова. Прости. Смотрю на тебя, и сердце сжимается болью.

Я провела подушечкой большого пальца по густой брови Лёши. Ресницы мужа подрагивали, было заметно, как двигается око под веком. Наверное, сон к Лютому пришёл неспокойный. Через приоткрытые губы вырывалось рваное дыхание.

Я прочертила линию носа и коснулась подрагивающих губ. Они могут причинить боль и удовольствие… В памяти сразу возникли яркие картинки. Нет, не того случая в машине. Сейчас мне казалось, что это вообще произошло не с нами. Или с нами, но в прошлой жизни.

Сейчас я вспоминала, как Лёша ласкал меня в первую брачную ночь. Его нежные руки, чуткие слова, осторожные поглаживания, и нервная дрожь большого накачанного тела. Я видела, как сильно хочет меня Лютый – старалась не замечать оттопыривающиеся брюки и вечно голодный взгляд, но не получалось. Он меня хотел, но отчаянно сдерживался. Даже на пике наслаждения жёстко контролировал себя, чтобы не причинить мне боль.

И за это я тоже ненавидела Лютого.

Я нажала на нижнюю губу Лёши, провела по ровным зубам, коснулась пальцем языка. Муж причмокнул и качнул головой, но глаза не открыл. Дыхание вновь стало глубоким, расслабленное тело застыло в неподвижности.

– Ненавижу, – шепнула я.

Не знаю, что он делал ночью, и это злило ещё сильнее. Может, он действительно навещал Агату, но сейчас, вместо того, чтобы идти к беременной лошади, просто уснул. А может, он пытался выяснить, куда пропала та девушка – сестра Волкова.

Странно, почему Лёша так заботится о сестре того, кто жестоко убил его жену. Может, он был в неё влюблён? Они же давно друзья.

Захотелось сделать Лютому больно. Я потянулась к нему и, прикоснувшись губами к его, втянула нижнюю и прикусила. Не до крови, но, надеюсь, чувствительно. Лёша застонал во сне и обвил меня руками.

Больно? Так тебе и надо.

– Лин, – услышала я тихий голос Марии. Подняла глаза и увидела, что она одевается. Когда она успела пройти? Я даже не заметила. – Вижу, Лёша заснул. Присмотри пока за домом, хорошо? Мне нужно в город съездить, купить кое-что, а Миша на конюшне сейчас. До ночи не явится точно… Можно мне ваш джип взять?

– Ключи на столе, – растерянно кивнула я.

Она улыбнулась и, подхватив ключи, вышла. В доме установилась тишина, какой я давно не слышала. У нас постоянно кто-то есть. Кроме нас с Лёшей и папой – это Ира, слуги, ремонтники, охранники, врачи, гости… Непрерывный поток! Я осознала, что, кажется, впервые осталась наедине с мужчиной. Более того – со своим мужем!

– За это тоже ненавижу, – буркнула я.

Отстранилась и, устроившись бочком, чтобы большой живот мне не мешал, медленно расстегнула рубашку мужа. Давно уже хотелось посмотреть на его тело ближе, но останавливал взгляд. Сейчас же, когда вымотанный мужчина крепко спал, я могла себе позволить маленькую вольность.

А вдруг он у женщины был?

Спина покрылась липким потом, в груди будто что-то оборвалось. Сразу вспомнилось, как тогда, ещё в загородном доме Лютого, ко мне пришла Эля. Волосы растрёпаны, макияж потёк, глаза блестят, а улыбка такая довольная, что…

Сжала пальцы в кулаке, оставляя красные царапины на коже Лёши. Муж вздрогнул, и только.

А ведь тогда я на Эльвиру и внимания почти не обратила. Просто отметила, что Лютый её трахнул. Сейчас же ненависть выжигала мне грудь изнутри только от одного воспоминания. От одной мысли, что он развлекался с другой.

Лёша называет меня Ангелом, считает, что я чиста и невинна, утверждает, что недостоин меня, а мне с каждым словом всё сильнее хочется вырезать сердце из его груди. Вот из этой мускулистой и широкой грудной клетки! И чем нежнее со мной Лёша, чем сильнее мои чувства. И тем сдержанней мне приходилось быть, чтобы не выдать себя. Играть в семью становилось всё труднее.

– Ненавижу, – в который раз повторила я.

Провела кончиками пальцев по очертанию мышц и, вырисовывая замысловатые узоры, спустилась к поджарому животу. Хищник! Большой, сильный,

расслабленный, спящий… Приникла щекой к груди и, слушая, как бьётся то самое сердце, которое страстно хотелось заполучить, я гладила мужскую, пахнущую мускусом и морским бризом кожу. Немного жженой соломы и прелого силоса, а еще легкий запах снега, что будто хрустит на зубах.

От аромата закружилась голова, соски заныли, а по венам будто огонь заструился. Внизу живота стало так сладко и томительно тепло, что перехватило дыхание. И за это Лютого я тоже отчаянно ненавидела. И за слова, которыми он упорно и легко сыпал.

Слова. Слова. Слова.

Любит? Это обман. Возможно, самообман. Но я не давала себе ложной надежды. Этот человек настолько привык страдать, что неспособен быть счастливым.

Любит? Это извращённое проявление чувтсва вины за совершённое преступление. И мне не забыть, что Лёша всегда просит прощения, когда говорит о своих чувствах. Да, он виновен в том, что сделал. Но сейчас я ненавидела Лютого гораздо больше за то, что он не делает.

Я – хрупкий драгоценный сосуд для его ребёнка, и не более. Лёша не хочет слушать мои советы и не желает стоять со мной плечом к плечу против целого мира. Чех вынудил его быть моим мужем, но Лютый хочет быть лишь отцом.

Глава 9. Ангел

Я прижалась к мужу спиной. Слушая, как Лютый глубоко и мерно дышит, сама не заметила, как начала улыбаться. Осознав это, опустила уголки губ. Не хочет, чтобы вмешивалась? Желает, чтобы сидела на кресле-качалке, и вязала ползунки младенцу? Пусть и не мечтает.

Я – Кирсанова! И да, Чех прав – я дочь своего отца.

Взяла телефон и набрала папе сообщение.

«Чех жив. Он звонил мне и требовал денег».

Отправила и оглянулась на Лютого. Муж спал, а у меня засосало под ложечкой, будто делаю нечто запретное. Но ведь я права! Надо спасать сестру Волкова, но так, чтобы вывести похитителя на чистую воду.

Телефон завибрировал, и я открыла сообщение от папы.

«Позвоню, кому надо. Жди».

Я довольно улыбнулась: папа понимает меня с полуслова. И не пытается задвинуть за себя. Запретить что-то делать, предоставить всё решать мужчине. Да, свободой жизнь с ним я бы не назвала. Хоть отец баловал меня, но всё равно дом напоминал казарму. Только готовили здесь к битвам на бизнес-ринге. И в этом он был бескомпромиссен и порой даже жесток.

Я покосилась на Лютого. В чём-то они с папой похожи. Интересно, какие у них были отношения в прошлом? Почему Лёша решил, что мой папа убил его семью? Да, святым моего отца не назовёшь, но…

Вздрогнул в руке телефон, я нетерпеливо открыла сообщение.

«Нужен счёт и сумма, остальное она сама сделает. Только переведёшь по команде».

Я задумалась. Если я зайду в чат и скопирую номер счета, но переведу не сразу, заподозрит ли Чех ловушку? Перебирая пальцами по коленке, я смотрела на Лютого. Мужчина дышал глубже и спокойнее. Наверное, ему сейчас снился хороший сон. У мужа красивое тело, мышцы выделяются при малейшем движении. Взгляд скользил по широкой груди, плоскому животу, дорожке волос, брюкам…

И как же быть со счётом? Я щёлкнула пальцами: точно! Сумма не астрономическая, но всё же не маленькая. Не факт, что она может быть на одном счёте. Например, я могу взять благотворительный, там примерно… двадцатка точно есть. А остальное перечислю чуть позже от клиники.

Не теряя времени, вошла в закрытый чат, который Чех удалил перед своей «смертью». Сейчас всё снова работало, и пароль подошёл. В окне висело одно единственное сообщение – только цифры. Но я и не ожидала приветствий или просьб, поэтому скопировала номер и вышла. Разумеется, тот снова обрёл статус «удалён».

Скинула номер отцу, а сама неторопливо принялась переводить деньги с онлайн-счёта. Через несколько минут двадцатка ушла, практически обнулив благотворительный счёт. Ничего, через пару дней я пополню его с личного. Всё верну, а пока…

Посмотрела на сотовый: пап, ну почему ты молчишь? Чем дольше я не перевожу остальное, тем больше шансов, что план провалится. Телефон дрогнул, и я тут же прочитала:

«Сейчас».

Дрожащими пальцами стала набирать номер счёта, чтобы перевести оставшуюся сумму, как вдруг Лёша всхрапнул и, обвив мои плечи руками, притянул к себе. От неожиданности я вздрогнула, и телефон выскочил из пальцев, брякнулся об пол. Я застонала от досады, а Лютый зарышся носом в мои волосы и вдохнул. Что-то пробормотал, но я не расслышала.

Смотрела лишь на сотовый и думала, как завершить начатое. При мысли, что я не успею, затаила дыхание, а подумав, что Лютый проснётся и застанет меня «на горячем» похолодела спина.

А впрочем, чего я боюсь? Это верное решение, что бы Лёша ни думал, и ему придётся с ним смириться. Я не позволю задвигать себя, пусть знает.

Высвободившись из объятий, я неловко сползла с дивана и, ощущая себя бегемотиком, с трудом подняла телефон. Быстро завершила транзакцию, когда Лютый уже потягивался и удивлённо смотрел на расстегнутую рубашку.

Телефон снова дрогнул в моих пальцах, но сообщение было не от отца. Я протянула сотовый проснувшемуся Лёше:

– Вот адрес, где держат Настю. Чех всё же держит своё слово.

Лютый всмотрелся в сообщение прищуренным взглядом, сжал губы, отчего тяжелый подбородок дрогнул, молча поднялся и развернулся ко мне спиной.

– Чех держит слово, – будто эхо, повторил он. Хрипло, низко и зло. Сорвал с плеч рубашку и, повернувшись ко мне, скомкал ее в кулаке. – А мое слово для тебя что-то значит? Я для тебя личный водитель, охранник и телогрейка?

У меня сердце бухнуло в рёбра, а по пищеводу заструился противный холодок. Я открыла рот, но не знала, как правильно сказать, что он ошибается, и замешкалась.

Он не дождался ответа. Бросил на стол мятый хлопок, развернулся и ушел в спальню. Его не было минуту, может, меньше, пока я переваривала услышанное, а потом муж вернулся уже одетый: в свитере темного цвета под горло, на плечах выделялись широкие пасовые ремни, а по бокам их оттягивали два массивных пистолета, спрятанные в кобуру. От вида оружия похолодела спина. Я пролепетала:

– Папа всё уладит, Лёш. Этого не нужно.

Он зыркнул на меня и пошел грузно к выходу. Набрасывая пальто, сказал:

– Как только пыль уляжется, и ты будешь в безопасности, разведемся. Не вижу смысла строить замок на песке, – пронзил горьким взглядом, а потом безэмоционально добавил: – Почему ты стоишь? Одевайся.

Когда мы выходили из дома, как раз вернулась Маша.

– Уже уходите? – залепетала женщина. – А я вам хотела витаминного салатика сделать. Вот, купила продукты, – она приподняла пакеты.

– Спасибо, мы наелись, – грубо ответил Леша, забрал ключи и пошел к джипу. Дождался у двери, пока я попрощаюсь с тетей, открыл мне дверь и молча сел в авто. Казалось, что он за эти несколько минут заморозился. Стал льдом, под которым медленно умирает душа.

Когда я заметила, что он везет меня не в ту сторону, не за Настей, а домой, хотела возразить, но Леша бросил в меня такой уничтожающий взгляд, что я побоялась открыть рот.

Ну и ладно! Я тоже буду молчать.

Хотя очень хотелось объяснить, что я поступила правильно, что сейчас Чеха уже выслеживают, но понимала, что муж не хочет ничего слышать. Вцепился в своё решение, как голодный волк в мясо! А моё мнение его не волнует. Сцепила зубы и отвернулась. А к Агате мы так и не зашли, и это тоже злило.

Доехали мы быстро, муж помог мне выйти из машины, терпеливо провел в дом, обжигая теплом рук, а потом молча ушел, хлопнув дверью.

Я смотрела в окно на сгорбленную фигуру, что быстро удалялась к воротам, и будто слышала: «Надеюсь, что после смерти ты меня простишь».

Он ведь может там умереть сейчас, не вернуться, а я… Дернулась к ручке, чтобы выбежать за мужем, хотя бы попрощаться, но остановилась, сжала кулак и отступила. Ненавижу.

Глава 10. Лютый

Я не злился, я был в бешенстве. Когда тормознул около дома по заданному адресу, мечтал кого-нибудь убить.

Но чистая дорожка насторожила и заставила подобраться и приготовить оружие. Я осторожно вышел из машины, забрал ключи, но дверь не закрывал, чтобы можно было быстро уехать.

Во дворе пусто, тихо, заметено густым снегом до высокого порога старенького бревенчатого дома. Окна закрыты белой тканью, а над входной дверью от легкого ветра покачивалась перевернутая подкова.

Перепрыгнув через хлипкий забор, я зашел с другой стороны. Здесь кусты, присыпанные белыми шапками, хорошо скрывали меня. Пистолет держал наготове. Злость бурлила в крови, и осознание, что с Линой у нас ничего не получится, выкручивало все тело. Я сам виноват. Вместо того, что выкрасть, спасти девушку от брака с Носовым, ведь знал, что с ней дальше будет, я искромсал ее душу. И свою очернил навсегда. Назад дороги нет, есть только выбранный путь вперед – я должен вытащить жену и детей из беды даже ценой своей жизни.

Потому что она никогда меня не простит.

Было тихо. Ни лая собак, ни мычания коров, ни детских голосов. Словно все вымерли вокруг. Здесь не больше пятнадцати домов, и если бы не джип, я бы и не добрался по заснеженным дорогам, загруз бы еще на подъезде к деревне.

Это было странно. Словно меня вели в ловушку, и Насти тут нет. Как можно здесь выжить?

Около сарая был угол, куда снег падал по косой, и я заметил несколько вжатых в лед следов. Им больше суток точно, потому что оттепель была вчера утром, а вечеру началась вьюга, и температура упала ниже пяти.

Я сделал пару снимков следов, спрятал телефон в карман и продолжил красться под стеной дома, стараясь не попадать в обзор окон. С моей комплекцией это было почти невозможно.

С торцевой стороны в окне была щель приоткрытой шторки в ширину не больше пальца. Я припал к ней и всмотрелся-прислушался. Тихо. Мертво вокруг, только ветер беспокоил голые вишни и стучал ветвями о крышу дома. Или это мое сердце лупило в грудь и подкидывало горячей крови в вены?

Зачем я позволил себе эти чувства к Кирсановой? Почему вовремя не закрылся? Или это беременность Лины на меня так повлияла?

Всмотрелся в темноту дома. После яркости на улице, глаза долго не могли сфокусироваться, но я увидел узенький подбородок и локон русых волос.

Настя!

Не знаю, чем думал, но сразу выбил окно локтем, отскочил в сторону, ожидая нападения, но шло время. Одна, две, три секунды – ничего.

Украдкой заглянул в пробитую щель и столкнулся с горячим взглядом Волковой. Она слабо мотнула головой, я спросил жестами:

«Ты одна?»

Она кивнула, а потом задышала судорожно, перевела взгляд в сторону и снова посмотрела на меня.

«Ловушка?»

Еще один кивок.

«Я тебя вытащу».

Замотала головой и заскулила. Что мне Чех приготовил? Жаркое?

Думал я несколько секунд, осматривал помещение и оценивал варианты. Дверь изнутри была заперта планкой, а на ручке болталась растяжка. Банально. Он думал, что я напрямую попрусь? Или ловушка готовилась не для меня, а для глупенькой Лины, что, пока я спал, отправила уроду деньги и подвергла себя и ребенка опасности?

Грудь невыносимо заболела, под ребрами будто проснулось жерло вулкана. Почему она не прислушалась? А если бы я не проснулся, она бы помчала на помощь?

Это злило! Я для жены – пустое место. Можно переступить и сделать по-своему.

Нужно выбираться отсюда, пока не вернулись надсмотрщики, нет смысла размышлять о том, чего быть не может.

Настя сидела в коляске по центру, запястья привязаны к ручкам. Идиоты. Куда бы она делась, ведь инвалид, зачем связывать? Суки! Сколько она так сидела? Наверное, все отморозила себе.

Я вычистил окно от осколков, разрезая пальцы мелкой крошкой стекла, выбил раму ногой и подтянул несколько ящиков, чтобы сделать подобие ступеньки. И почему я такой большой вырос? Едва просунул плечи в дом, спрыгнул на пол и снова насторожился.

Настя запищала, задергалась.

«Тихо», – показал я.

Осторожно подошел ближе, осмотрел коляску и нашел на спинке таймер. Три минуты стремительно сокращались.

Твари! Значит, активировали с расстояния или по движению в доме.

Думать было некогда, я быстро развязал Настю, закутал в плед, что прикрывал ее ноги, и подхватил девушку на руки.

Через двери нельзя, бомба взорвется, потому попер к окну. Волкова была ледяной, тонкой, почти не двигалась, и маленькая голова болталась у меня на плече.

Слева стояла ржавая кровать, там я нашел матрац и завернул в него Настю, связал простыней и аккуратно вытолкнул ее из окна. Все делал на автомате, как заправский солдат. Убедился, что она плавно упала в снег, только тогда прыгнул на улицу сам.

За спиной раздался взрыв.

Глава 11. Ангел

Я с ногами забралась на диван и, обняв Рыжуню, буравила взглядом дверь. Да когда же он вернётся?! Нет, зря его одного отпустила, но Лёша выглядел таким взвинченным, что я не стала ничего говорить.

Прокручивала его слова и не могла успокоиться. Кто он мне? Личный водитель? Мне не нужен водитель. Охрана? Ну, если попросить папу, он наймёт мне ребят получше… Лучше Макса попросить, причём через папу.

Я боялась черноглазого мужчину, который обнимал меня каждую ночь, не знаю почему. Интуитивно ощущала в нём дикого зверя… или прирученного? Наверное. Ах, как всё сложно!

Но слова о разводе заставили екнуть сердце. И как холодно и спокойно Лёша их произнес. Словно брак ничего и не значил. Да, Лютый любит моего ребенка. Всё… На этом брак заканчивается. Муж не обращает внимания на меня, не слушает. Будто я ему сводная сестра, которую нельзя хотеть.

Конечно, он был груб и жесток в нашу первую встречу, и я не знаю, как вычеркнуть тот день из памяти, но… Я вздохнула. Не могла отрицать, что муж умеет быть внимательным и ласковым, заботливым. А этот поцелуй в машине… Наполненный хищной страстью, от которой приятное пламя скручивало все мое тело. Но когда Лютый злился, меня будто примораживало, как синичку в минус сорок, к месту. Выбивало из колеи, лишало дыхания, сердцебиения, леденило позвоночник, возвращало память в тот жуткий день свадьбы с Носовым.

Но первая брачная ночь ломала эту память беспощадно. Лёша был так нежен, что замирало сердце, а чувства которые всколыхнулись во мне в ту ночь, обволакивали теплом, стоило только закрыть глаза и вспомнить. В тот день на миг показалось, что у нас может что-то сложиться.

Я погладила кошку и поджала губы. Не может. Лютый раздираем желаниями, которые меня пугают, а еще он будто глушит их, запрещает даже помыслить, чтобы меня добиться. Почему? Возможно, он ненавидит меня… За отца, за Волкова, за Настю. Я не знаю, причин может быть десяток. Но если мужчина прижимается к тебе каменным членом, но ничего не делает, это странно и неправильно.

Если муж боится за малыша, есть другие способы доставить друг другу удовольствие.

Я не верю, что думаю об этом! Злюсь, что меня это терзает, что мысли кружатся вокруг постели и наслаждения. Я ведь Лютого ненавижу. Ненавижу?

С горькой усмешкой погладила мурлыкающую Рыжуню:

– Скоро март, и ты меня поймёшь. – Вздохнула: – Эх, доктор…. Лучше бы вместо того, чтобы рассказывать мне о гормонах, успокоительные таблетки прописал. Словно мне разговоры о либидо помогут. – Погладила живот: – Малышка, я надеюсь, твой выбор мужа будет более удачным.

– Лина! – Я обернулась. Домработница, раскрасневшись от натуги, тащила большую кастрюлю. – Ты уже думаешь над выбором зятя?

– Да, – с горькой улыбкой ответила я. – Лучше позаботиться об этом заранее, чтобы у девочки была возможность сбежать.

– Какую возможность? – удивилась Ира и, поставив кастрюлю на пол, села на краешек дивана. Я порадовалась, что крышка на месте, догадываясь, что домработница выносила остатки еды. На улице она замёрзнет, а потом приедет дядя Миша и увезёт прикорм скотине. – Зачем нашей девочке сбегать?

– Если вдруг возникнет сложная ситуация в семье, – выкрутилась я.

Не рассказывать же Ире о том, что отец просил меня спасти его деловую репутацию и выйти за сына партнёра. Да, папа расписал мне достоинства Григория… впрочем, потом выяснилось – всё это лишь пыль в глаза. Мне бы радоваться, что не попала в семью Носовых, которые не гнушаются ставить на кон жизни людей, вот только способ «спасения» от этой семейки был слишком болезненным и горьким.

Отец возненавидел Носова, когда узнал о гнусном поступке его сына, но всё равно вынужден был вести его дела. Он ненавидел и Лютого, но смирился с его присутствием в доме, потому что я попросила. Встала на защиту насильника, запретила папе вмешиваться.

Погладила ноющие ноги:

– Я так опухла. Выгляжу кошмарно.

– Ты красивая, – возразила Ира.

– Конечно, – проворчала я. – Именно поэтому Лёша на меня не смотрит.

– У вас проблемы? – оглядевшись, прошептала Ира и смущённо продолжила: – Когда я была беременной, муж тоже боялся меня касаться, чтобы не навредить ребёнку. А мне так хотелось. Ну, «этого». И мы придумали по-другому.

Я ощутила неловкость – мы с Ирой никогда не говорили на тему секса или семьи. Зная, что её муж погиб в горячей точке, а сын вырос и уехал за границу, я ни о чём не спрашивала, да и ей не позволяла. Но сейчас, когда Ира попыталась мне помочь, пусть и неуклюже, подалась навстречу.

– Как именно?

Лицо её покраснело ещё сильнее, взгляд забегал, но женщина всё же выдавила:

– Ртом.

– А, минет, – протянула я, и Ира втянула голову в плечи.

Я едва не расхохоталась. Да, у меня нет особо опыта, к двадцати годам многие подруги перепробовали больше, чем я даже думала, но болтать «об этом» мы могли без умолку и смущения.

И тут улыбка моя растаяла: да, Ира почти заменила мне мать, но всё же не стала ею. И домработница не имеет права говорить об интимной жизни хозяев. Нахмурившись, я посмотрела на женщину так, что она опустила глаза и, поднявшись, подхватила кастрюлю. Я проследила, как закрылась дверь, и почесала кошку за ухом.

– Минет, – пробормотала я и передёрнула плечами: – Да он вообще со мной разговаривать не станет об этом. Как зыркнет своими чернющими глазами, так

душа в пятки. Хотя…

Да, если честно, я сама побаивалась секса с мужем. Он ведь едва не порвал меня в первый раз, да и мысли о том дне леденили душу. Пусть Лютый хоть сто лет извиняется – его жестокость всегда останется пятном на наших отношениях.

Но, несмотря на страх, теплело в груди от мысли о нежных ласках мужа, о его жарких поцелуях, а от осознания, что он окажется внутри – между ног будто просыпался огонь. Чего же во мне больше: желания или страха?

– Мам!

Я застыла, затаив дыхание. Сашка… Боже, а если он слышал ту ерунду, что я сейчас несла? Стыд какой! С кривой улыбкой посмотрела на мальчика:

– Хочешь погладить Рыжуню?

Саша подошёл и осторожно дотронулся до кошки. Под мышкой у мальчика торчал корешок книжки. Уточнила:

– Принёс, чтобы я почитала?

– А можно? – с надеждой встрепенулся он.

– Всегда можно, – я похлопала по бедру: – Садись ко мне, мы же семья.

Он прикусил губу и, сунув мне в руки книгу, забрался на колени. Облокотился о спинку дивана и, притянув к себе растёкшуюся в неге кошку, приготовился слушать. Пока я читала, мальчик то гладил Рыжуню, то трогал мой живот и что-то шептал, а я едва сдерживала слёзы, осознавая, что трагедия, столкнувшая меня с Лютым, подарила мне семью.

Да, я успела полюбить этого мальчика, и поэтому недопонимания с его отцом надо как-то утрясти. Переступить через гордость и поговорить. Это небольшая цена семейного счастья. Я жена Лютого, значит, должна попытаться наладить нашу интимную жизнь. Пусть это и больно нам обоим.

Дверь распахнулась, и в дом ввалился окровавленный Лёша. Он еле переставлял ноги, но на руках крепко держал бесчувственную девушку.

Глава 12. Ангел

Сердце пропустило удар. За миг я успела испугаться за мужа, лицо которого было забрызгано кровью, за сына, ведь мальчик увидел страшную картину, за девушку… Надеюсь, она жива. Мгновение я паниковала, а потом обняла Сашку:

– Тёте нужна помощь. Можешь принести мой телефон?

Мальчик кивнул и, обняв кошку, унёс её к лестнице. Я тоже неловко сползла с дивана и помогла Лёше уложить Настю. Руки девушки были холодны, как лёд, веки сомкнуты, рот приоткрыт. Я уловила лёгкое дыхание и выдохнула спокойнее. Живая.

Вернулся Саша, вложил мне в руку сотовый и, вцепившись в моё платье, смотрел на отца расширившимися глазами. Набирая врача, я взъерошила волосы мальчика:

– Саш, ты дорисовал картину для дедушки?

– Нет, – тихо ответил он.

Ожидая ответа по телефону, я попросила:

– Он очень ждёт подарок, я уже рассказала, как у тебя красиво получается. Давай, ты пойдёшь к себе и доделаешь его, а я пока помогу папе и тёте?

Мальчик кивнул, но меня не отпустил. Пришлось проводить его до лестницы, где, наконец, врач ответил на мой вызов. Извинившись, объяснил, что принимает пациента, но, услышав о ранении Лютого и бесчувственной девушке, тут же пообещал приехать с бригадой.

Я же вернулась к Лютому. Муж стоял перед диваном на коленях и растирал руки Насти, пытаясь согреть их дыханием. Сердце кольнуло, стало неприятно, что Лёша так взволнован, хотя сам истекает кровью. Мысль о том, что Лютый был влюблен в сестру Волкова, снова дёрнула за нервы.

Я тряхнула головой. Не время думать об этом!

Сначала принесла одеяло и накрыла пострадавшую, затем набросила покрывало на плечи Лютого. Но он даже не отреагировал, и мягкая ткань соскользнула на пол. А девушку укутал так заботливо, словно только её жизнь и имела значение.

Я попыталась отвлечься от неприятных мыслей и так не вовремя пришедшего воспоминания о том, как Лютый нёс меня на руках после нападения около клиники, и спросила:

– Что случилось? Лёш… – Не дождавшись ответа, поджала губы и сухо добавила: – Врач скоро будет. А тебе стоит умыться.

Лютый лишь обжёг тёмным взглядом и снова повернулся к Насте. Я смотрела на его окровавленную шею и едва сдерживалась, чтобы не закричать. Вообще о себе не думает! Подставлялся под железные кругляши, пули, удары… Всё ради чего?

Резко развернулась и направилась в ванную комнату. Наполнив тазик тёплой водой, кинула туда губку и вернулась в холл. Отжав ее, принялась осторожно обтирать кровь с сильной шеи, но Леша внезапно отодвинулся, зыркнул на меня, а потом холодно сказал:

– Я не ранен, не беспокойся. Приготовь лучше теплого чая для Насти, – только сейчас он отпустил ее руки, скинул грязную, разорванную куртку и снова устало сел возле девушки, ласково погладил худые пальчики, поправил мокрые слипшиеся курчавые волосы. У Волковой очень светлая кожа и утонченные черты лица, и оттого, как Лютый всматривался в нее, будто прислушивался к дыханию, а может, любовался, у меня запирало дыхание. – Это была ловушка, – муж поднял на меня пронзительный черный взгляд, а я так и застыла с мокрой тряпкой. – Как ты еще не додумалась сама поехать? – он зло прищурился, сжал кулаки, обмотанные наспех бинтом. Белая ткань была густо окрашена кровью.

Я хотела ответить, но дверь распахнулась. Вернулся отец, а с ним подоспела и бригада врачей.

Леша перенес Настю в свободную комнату, и когда врачи занялись ее лечением, остался у двери. Сел прямо на пол и опустил голову на колени.

Я подошла и, прислонившись к стене, провела ладонью по затылку мужа, пропуская пальцы сквозь непослушные пряди волос.

– Лёш, я не хотела, чтобы ты пострадал… Да и она. Но тебе не кажется, что ты слишком сильно переживаешь за сестру того, кто жестоко убил… родного тебе человека?

Он полоснул меня жутким взглядом.

– Заметь, переживаю за сестру, а не за того, кто… – он запнулся, перевел взгляд мне за спину. – Сына, иди к папе. Саш… – он потянулся.

Но мальчик мотнул головой и сбежал в свою комнату.

Леша дернул волосы, молча встал, отодвинул меня, будто мебель, и пошел в сторону нашей спальни.

Но не зашел в нее, а грузно прошагал мимо и, завалившись в соседнюю комнату, хряпнул дверью.

Я дёрнулась было следом, но отступила и, сжав пальцы в кулаки, медленно развернулась. Подошла к комнате Саши и постучала:

– Можно войти?

Минуту слушала тишину. Понимала, что мальчик напуган, поэтому хотелось утешить его и обнять. Сказать, что всё будет хорошо. Вот только…

Услышав шаги, обернулась и при виде выходящих из гостевой комнаты врачей, поспешила к ним. Папа вышел последним и прикрыл за собой дверь.

– Что с ней? – спросила я.

– Сильное переохлаждение, – скороговоркой ответил невысокий мужчина в белом халате, – истощение, сильный стресс. Рекомендуем полный покой. Вам предоставить медсестру для ухода за больной?

– Ира справится, – уверенно ответил отец и положил руку мне на плечи: – Дочь, проводи их к мужу. Я видел, ему тоже досталось.

Мне хотелось огрызнуться, сказать, что Лютый вон там, даже не в нашей комнате – не заблудятся. Но всё же сдержалась и, кивнув, пошла вперёд. Застыла у двери и, на миг скривившись, постучала:

– Лёш, я могу войти?

Он не ответил, а потом что-то упало, и я решительно распахнула дверь.

По комнате были разбросаны щепки стула, а Леша стоял у окна, будто годзилла, и пялился на улицу.

– Оставь меня, Лина, – глухо и сдержанно попросил он.

– Хорошо, – с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать всё, что я думаю, ответила я. – Оставлю тебя с врачами. Кстати, с Настей всё более-менее нормально. После перевязки можешь пойти полюбоваться на несчастную. Уверена, она тебя ждёт.

И, выскочив из гостевой комнаты, хлопнула дверью. Так эффектно, как у мужа, не получилось, но шума наделала. Поймав осуждающий взгляд отца, тяжело вздохнула.

– Прости, я не сдержалась. Лёша, как ребёнок…

– А ты нет? – выгнул бровь отец и кивнул: – Идём. Нужно поговорить.

Я посеменила за папой в его кабинет. Усадив меня в своё кресло, отец принялся расхаживать взад-вперёд.

– Чех действительно жив, – объявил он с горечью в голосе. – Но подобраться к нему не удалось. Скользкий, собака!

Он замер у окна и, не глядя на меня, глухо проговорил:

– Я виноват перед тобой. Прости.

– За что? – нахмурилась я. – Пап, ты же знаешь, что шантажист всегда возвращается. Он позвонит ещё, и будет вторая попытка подловить его. Хуже то, что он устроил ловушку для Лёши. Не надо было его одного отпускать, но порой мне кажется, Лютый…

– Ангелина! – перебил отец. – Я прошу прощения за то, что продал тебя Носову.

Я опешила:

– Как продал?

– Раньше продал, – недовольно поморщился он. – Когда заставил выйти за него.

– Скажешь тоже, – легко улыбнулась я. – Ты предложил, а не заставил. И объяснил, что этот брак укрепит твоё влияние в городе. А это важно для бизнеса и…

– Я помню, что говорил, – снова перебил мой обычно сдержанный отец.

– Тогда тебе не за что извиняться, – тихо ответила я. – Ты не знал, какой сволочью окажется Григорий.

– Его отец ещё хуже, поверь, – на миг оскалился папа. – Я продал тебя! И, если бы не… – он показал взглядом в сторону. – Ещё неизвестно, как бы всё обернулось.

У меня по спине проскользнул холодок.

– Я не понимаю. Что ты хочешь сказать и почему именно сейчас?

– Нам во что бы то ни стало нужно посадить Чехова, – сухо ответил отец. – Этот больной ублюдок возомнил себя великим мстителем и вершителем судеб. Готов пожертвовать всем, чтобы подобраться к…

– Деда? – в кабинет заглянул Саша. – Я тебе картину нарисовал. Пойдём, покажу! – перевёл взгляд на меня: – Мам, дядя-доктор тебя искал.

– Спасибо, милый, – заволновалась я и посмотрела на отца.

Он кивнул:

– Иди, а мы с Александром посмотрим на его рисунок.

– И книжку дочитаем! – восторженно добавил мальчик, но тут же закашлялся.

– И доктору позвоним, – нахмурился отец.

Я благодарно улыбнулась:

– Что бы я без тебя делала?

– Жила бы счастливее, – негромко ответил отец, позволяя Сашке вытянуть себя в коридор.

Я тряхнула головой, выбрасывая переживания – папа просто устал – и тоже покинула кабинет. Поспешила к гостевым комнатам, едва не столкнувшись с Ирой.

– Ангелок! – испуганно воскликнула она. – Тебе нельзя бегать! Ты должна двигаться с плавной неторопливостью…

– Бульдозера, – улыбнулась я. – В этом у нас Лёша хорош. Кстати, не видела его или доктора?

– Врачи ушли, – отчиталась домработница. – Оставили бумаги и визитки на столике в холле. Сказали звонить, если что-то будет непонятно.

– А…

– Алексей твой жить будет, – понимающе кивнула она и улыбнулась: – Порезы и ссадины. Он в той комнате, где девушка лежит_

– Спасибо, – тон мой похолодел.

Медленно, с плавной неторопливостью, я направилась к пустой комнате и, войдя, опустилась в кресло. Прислушалась, но звенела лишь тишина. Что он там делает? Просто сидит? Или держит её за руку? Или смотрит так же нежно, как до прихода врачей?

Поджала губы. Не хочу знать.

Лёгкий скрип двери заставил приподнять голову, и я столкнулась с тёмным взглядом Лютого. Правая рука белела повязками, на лице бежевыми прямоугольниками выделялись пластыри.

Лёша молча давил на меня своим присутствием, всем видом намекая, что не хочет меня видеть.

Я поднялась и, приблизившись, замерла напротив мужа. Запрокинув голову, попросила:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Глава 13. Лютый

– Иди к себе, – я откровенно вымотался и не хотел Ангелину видеть и слышать. Мне нужно отвлечение, разрядка, попытаться выдохнуть горький воздух и представить, что маленького ангела никогда больше не будет в моей жизни. Или будет, но частично. Отдаленно. Жестоко далеко.

Лежать в одной кровати и хотеть жену снова всю ночь больше не смогу. Это слишком болезненно и тяжело. Мне нужно немного пространства, немного ослабить тиски зубьев вины на сердце. Иначе однажды я просто упаду замертво, просто потому что нырну в синь ее глаз.

– Не нужно делать мне одолжение, ты этого не хочешь, – голос звучал грубо, хрипло. – И на счет развода я не шутил, не вижу смысла цепляться за воздух. У нас нет шансов, Ангел. – Обошел Лину, стараясь не касаться, потому что кожа покрывалась мурашками на небольшом расстоянии от нее. Что будет, если я почувствую ее тепло кончиками пальцев? Я просто сорвусь, наброшусь и буду целовать, пока она не врежет мне.

Поспешил в ванную, сбегая от самого себя. Нужно смыть грязь, снег, кровь и пот, а еще содрать с себя желание прикоснуться к любимой, обнять ее, успокоить, послушать, как толкается в ладонь дочурка. Все тело подрагивало от возбуждения и тоски за простыми ласками. Нежностью. Любовью и пониманием.

Но я ведь враг. Она меня ненавидит. Это не нужно слышать – это видно по распахнутым глазам, наполненным стеклянной влагой.

Зачем ей мой поцелуй? Чтобы проверить, какой я урод? Чтобы в очередной раз отвернуться? Зачем она меня мучает? Говорила, что даст шанс, просила бороться, но бороться за что? За пустоту?

Я. Не. Мо-гу.

Сел на край ванны и, опустив голову, задумался. Все слишком затянулось. Этот вынужденный брак для обоих, игра Чеха, обещания, которые никому не нужны. Фальшивая семья, неправильная страсть, ненужная любовь с привкусом горечи. Нужно выпутываться из этого смертельного узла и желательно сделать так, чтобы никто не пострадал. Ни жена, ни дети.

Лина ненавидит меня, Настя видеть не хочет, сын не признает… Мне самому от себя тошно, потому согласен отвечать за все, что сделал. Если Чех жив, значит, видео со «свадьбы» тоже сохранилось, и я смогу очистить себя от грязи, что мучает душу. Сяду за решетку. Признаю вину и сяду за изнасилование, но потащу за собой и тварь, что подтолкнула меня на это преступление. Вытащу из памяти все, что знаю о Чехове, воре и оборотне в погонах, и засажу ублюдка

навечно.

Когда дверь в ванную приоткрылась, я зарычал:

– Пожалуйста, иди спать, – поднялся и повернулся к девушке спиной, чтобы не смотреть в глаза, стал сдирать одежду. Ткань трещала под пальцами, пуговицы неприятно цеплялись за бинты, душу по-настоящему выворачивало наизнанку, будто кто-то резал невидимой бритвой.

– Я лишь помогу, – тихий, будто шелест, голос и ласковые осторожные прикосновения к спине показались трепетом крыльев мотылька. – Ты… – Лина запнулась и хрипло, с трудом, выговорила: – Ты красивый.

Ладони её коснулись лопаток, тонкие пальчики пробежались лёгкими прикосновениями по пояснице, скользнули ниже. Я будто шагнул в пропасть и оказался в ледяной ванне. Покрылся мурашками, едва сдержал себя, чтобы не закричать.

Мне разрывало сомнениями. Хотелось, чтобы Лина продолжала, чтобы зашла дальше дозволенного, но я повернулся и, собрав ее ладони в свои, отодвинул от себя.

– Ангел, иди. Не нужно обманывать меня и себя. Мы ничего не поменяем, не сможем. Наши отношения – это морок. Дым, который нельзя взять в ладони.

– И что? – с вызовом спросила она и сузила глаза. – Ты мой муж. Не Насти. Хочешь снова идти сидеть у ее двери? Хорошо, хоть всю ночь там торчи. Но сначала…

Она приподнялась и прикоснулась мягкими губами к моим, скользнула острым язычком между ними, обожгла кожу дыханием.

Ревнует?

Я оторвал ее от себя, заглянул в распахнутые глаза, облизал свои губы, чтобы запомнить вкус. Какао и чуточку соли. Наверное от слез. Или крови. Она так искусала свои нежные губы за этот день. Волновалась за меня?

– Настя едва не умерла, – объяснил я, сдерживаясь, стараясь не шевелиться и не вдыхать аромат ее волос. – И ты бы умерла, Ли-и-на, стоило открыть дверь по тому адресу, что дал этот сучонок. Ты не послушалась, ввязалась в это, не доверилась мне. Разве так относятся к мужу? Я, кто угодно – урод, насильник, слабак, но точно не муж. И, похоже, для некоторых уже и не отец. Не ври, Ангел, ты не умеешь врать. Ты дергаешься, стоит мне потянуться, сжимаешься, когда я хочу тебя поцеловать, отворачиваешься и прячешь глаза. Зачем сейчас этот цирк? У-хо-ди.

– Дёргаюсь? – Она зло сверкнула глазами. – Примерно так?!

И неожиданно положила мне ладонь на ширинку.

Я сжал зубы. Безумие. Чего она хочет? Чтобы я на коленках ползал? Меня скоро в импотенты можно будет записать, потому что яйца гудят бесконечно, прорезая пах острой болью, стоит подумать о жене и вспомнить о том, что я сделал.

– Уходи, – скрипнул зубами. – Я не смею тебя желать, потому что для тебя это через силу. Или скажешь, что не так?! – я обнаглел, дернул руку вперед и сжал налитую грудь жены. Пусть испугается, сбежит, даст пощечину. Так будет лучше. Ну же!

У Лины щёки вспыхнули, рот приоткрылся. Казалось, миг, и она выскочит из ванной, исчезнет, не оглядываясь. Но она лишь прошипела в ярости:

– Ах так?! – И сунула руку мне в брюки. – А как тебе такой «цирк» с конями?

Ладошка её обхватила член и несильно сжала его, глаза засверкали ледяной злостью, губы растянулись в белозубой улыбке. Да она смеется надо мной!

Глава 14. Лютый

Зарычал снова. Сильнее. Отчаянней. Сжал ее руку, чтобы заставить остановиться, но в крови уже вспыхнула страсть – я летел со скоростью света в пекло своих желаний.

– Что ты творишь, Ангел? – прошептал и сам не заметил, как мы оказались у стены. Прижал жену плечами к кафелю, наклонился, чтобы смотреть глаза в глаза. Мы уничтожали друг друга. Не нужны ножи и колья, нам хватало взглядов, чтобы было невыносимо больно. – Не делай так… Ты крутишь мной, как хочешь. Понимаешь, что я испытываю вину, что жру себя изнутри каждый день. Ты все понимаешь! И ты все помнишь! Ты меня к себе привязываешь, а потом швыряешь о бетон. Да, все правильно – маленькая месть за глубокую рану, но я больше не могу так – хочу тебя любить и не смею. Хочу, чтобы ты любила, но не стану этого требовать. Никогда! – Встряхнул ее плечи, вытащил руку из брюк, челюсть свело от желания впиться в мягкие приоткрытые губы, но я сдержался. Снова. В пах словно кинжал вставили и провернули, потому следующие слова сказал хрипло: – Я не поменяю свое решение о разводе, как бы ты ни была мне дорога. Хочу дать тебе свободу, а себе чуть-чуть воздуха. Я рядом с тобой подыхаю. Лопаюсь. Разрываюсь на куски. А ты ревнуешь к Насте? Что за бред?! Ты просто манипулируешь. Как и твой отец своими клиентами, своими подчиненными. Ты же Кирсанова, леди-босс, все можешь сама, интересы и мнение других не в счет. Даже перевести деньги бандиту, рискуя нерожденным ребенком – проще простого для тебя! Я не позволю делать из себя игрушку, но и такого больше не допущу – ты будешь в безопасности, даже если мне придется тебя украсть. А сейчас иди вон, Ангелина.

Это было жалко. Звучало тоскливо, будто я умолял ее остаться. Пиздец! О, докатился. Разрывался на части, мне хотелось, чтобы она ушла или шваркнула кулаком в нос. Может, это помогло бы мне прийти в себя. Адреналин отравил кровь, и кроме биения сердца я ничего не слышал.

– Уходи, пожалуйста… – я опустил голову и договорил, содрогаясь всем телом: – Хочу за все ответить, Лина. Хочу, чтобы твоя боль прошла, хотя бы с осознанием, что насильник сидит в тюрьме.

Она поджала губы. Не ответила, не ударила… и не ушла. Глядя в глаза – пронзительно, уничтожающе, медленно опустилась. Ладони её, словно выжигая на теле отметины, будто угли, заскользили по торсу, животу, бёдрам. Тонкие пальчики скользнули за пояс, оттягивая брюки.

Глядя снизу вверх, но будто повергая в бездонную пропасть, Лина тихо со злостью процедила:

– Ревную? И не мечтай! Что ты о себе возомнил? Я лишь спросила, почему ты сидишь у её двери, как верный пёс. Ты! Волк, а не жалкая шавка. Я не таким тебя знаю, Лютый! Лишь я имею право приручать тебя, слышишь?! Кирсанова, говоришь? Бизнес-леди? Так вот тебе аванс, Береговой. И попробуй отказаться от нашей сделки.

Зажмурившись, она обхватила меня губами. Нежно провела языком по головке, пробежалась лёгкими прикосновениями пальцев по стволу, обрисовывая выступающие венки… И оторвалась, когда я готов был погрузиться в пучину удовольствия без остатка. Голос её прозвучал слегка хрипло:

– Так что ответишь, Лютый? Признаешь меня своей хозяйкой? Скажи, и получишь всё, что попросишь. Но не смей смотреть на других. – Она продолжала ласкать нежной рукой, а я ошарашено дышал и искал опору, чтобы не рухнуть и не потащить ее за собой. – Лишь знай, что если ты мой, то полностью, с болью и ненавистью! Я никогда не прощу тебя, слышишь? Буду мстить, сколько дышу. Оттолкнёшь? Не стану тебя останавливать. Но если отпустишь меня, ты никогда не увидишь ни сына, ни дочь. Я заберу у тебя всё, раз ты забираешь у меня себя. Выбирай, зверь.

– Зачем я тебе? Издева… – не смог договорить – меня пробило током. От сильных пальцев, что окольцевали и стиснули до сладкой боли, я сломался-взорвался. Унизительно излился в ее руки. Пронзив позвоночник стрелой горьковатого наслаждения, лопнула пружина терпения и воздержания. Съехав от бессилия на одно колено, я прохрипел: – Лучше бы ты меня ударила. Я ведь никогда не смогу насытиться тобой, понимаешь? Ты покупаешь игрушку с вечным заводом, ревнивый Ангел.

Она поднялась и, вымыв руки, осторожно вытерла пальцы мягким полотенцем. Но глядела на меня так, будто точно ударила бы, будь в её руках хоть что-то режущее. Щёки раскраснелись, глаза влажно заблестели, а голос подрагивал, и так хотелось верить, что от возбуждения.

– Бой ещё не окончен, Береговой. Вспомни, что ты – боец. Я не верю, что ты покинешь ринг до гонга, поэтому не смей угрожать мне разводом. – Она покраснела ещё сильнее, но продолжила с вызовом: – Я вижу, что прикасаясь ко мне, ты страдаешь. Наслаждение приносит тебе боль. Ею ты расплатишься за мою. Как тебе такая сделка?

Глава 15. Ангел

О, небо! Что на меня нашло? В меня будто кто-то вселился. Я делала и говорила такое, что от одного воспоминания тело содрогается в ознобе. Но я так разозлилась, что едва осознавала, что происходит. Ненависть к Лютому нарастала с каждый днём, хотя ещё недавно я искренне верила, что смогу простить мужа.

Но Лёша не прав, я не ревную. Его? К той девушке?! Конечно, это не так. Я лишь не понимаю, почему он с ней так нежен. Да, она инвалид и нуждается в помощи… И я бы оказала ей самую лучшую помощь. Но Лютый накричал на меня и бросился спасать сестру своего врага.

Чем разозлил ещё сильнее, ведь муж обвинил меня в том, что сделал сам. Я бы никогда так глупо не поступила. Не подвергла бы себя опасности. По указанному Чехом адресу выехали бы люди отца, девчонку отвезли в больницу. Вот зачем было тащить её к нам домой?

Но у меня язык не повернулся задать эти вопросы, ткнуть Лютого в его ошибки. Потому что не хотела слышать ответ. И так понятно, что Береговой был или до сих пор влюблён в эту девушку. Иначе бы Чех не похитил её, чтобы надавить побольнее, иначе бы Лёша не помчался бы спасать Настю, забыв про банальную осторожность. Иначе не держал бы рядом с собой. Иначе не потребовал бы развод.

Он испугал меня, и я разозлилась. Лютый целиком и полностью заслужил ту боль, что исказила его лицо, когда он кончил мне в руку. Как бы ни относился муж к Волковой, я знала, что хочет он меня. И это желание для него, как удавка, как самобичевание. Береговой никогда себе не простит изнасилование. Даже если я прощу.

– Мои родители погибли в аварии, когда я был в старших классах. Если бы не тетя Маша, я бы попал в тюрьму и погиб бы там. Жить не хотелось, – Леша встал рядом, но смотрел не на меня, а на синий под ночным небом снег. – Наши жизни с Волковым переплетены слишком тесно, оттого и больнее из-за его поступка… – крупная челюсть мужа хрустнула. – Насте было семнадцать, когда случилась

трагедия. Вся жизнь впереди, она как раз одиннадцатый класс заканчивала, такая задорная была, с веснушками, кудрявая, милый одуванчик, но… – Лютый откашлялся в сторону, – машину вынесло на встречку, и Волковы-старшие погибли на месте, а за жизнь Насти мы с Серым боролись несколько лет. На ноги она так и не встала и больше не могла слышать.

Лютый повернулся и прищуренным взглядом скользнул по моему лицу, опустился на грудь и остановился на животе.

– Я учил Настю языку жестов, – продолжал спокойно рассказывать. – Никогда не смотрел на нее, как на объект обожания, потому что у меня была Мила и маленький сын, – он хрипнул и дергано отвернулся. Торс был обнажен и лоснился в голубоватом свете луны. Леша засмеялся тихо и потер лицо: – Тебе стоило лишь спросить об этом. Но легче накрутить себя, а потом сделать виноватыми других. Я виноват, но точно не в том, что нравлюсь тебе, – муж спрятал руки в карманы брюк, полоснул меня темным взглядом, а затем вышел из гостевой, будто больше не желал говорить.

Когда я осмелилась пойти следом, заметила, что он прокрался в комнату к Саше. Хотела пойти следом, боясь, что он испугает мальчика, но замерла в дверях.

Лютый укрыл сына одеялом, поцеловал в волосы, невесомо погладил его по голове, а потом сел на пол и застыл, будто собрался спать всю ночь на коврике.

Я вздохнула. Неужели не понимает, что можно, а что нельзя? Саша только недавно перестал вздрагивать при виде отца, поверил, что его комната – надёжная крепость. Никто не входил сюда без разрешения, чтобы создать у мальчика ощущение безопасности. Лютый хоть может представить, что испытает ребёнок, если проснётся и увидит мужчину на коврике? Даже если спросонок поймёт, кто это, всё равно будет в ужасе.

Я поймала взгляд Лютого и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Сашу, показала жестами «нельзя» и «иди ко мне».

Да что же Лютый, как неприкаянный: то у двери Насти, то на коврике сына? Будто своей комнаты нет. Своего угла… Я поджала губы, с горечью признавая, что в моём доме действительно нет места для Лютого. Но всё равно повторила жесты. Надо уговорить его не пугать сына.

Он покорно встал, и я удовлетворённо улыбнулась. Лютый неторопливо подошел ближе, но стоило нам выйти из детской, как внезапно оттеснил меня в коридоре к стене и яростно прошипел в лицо:

– Это мой сын. Я сам решу, когда к нему приходить и сколько возле него сидеть.

Я онемела от нахлынувшей чёрной волны ужаса, погрузилась в тёмный взгляд, растаяла в нём. По венам прокатился огонь, обжигая низ живота, концентрируясь в средоточии нервов, раздирая меня противоречивыми чувствами. Не чуя ног, сползла бы по стеночке. Вот только, кто же мне позволит? Зверь притворялся ласковым и послушным, но набросился при первой же возможности.

– Посмей еще раз ляпнуть, что заберешь его, Береговая, ты узнаешь, что я могу быть очень плохим мальчиком. Ненавижу, когда мне угрожают. – Я не могла дышать, не могла даже отвести взгляда, словно столкнулась в лесу с голодным хищником. – Ты моя жена, но я тебе не раб. Поняла?

Вздрогнув от вопроса, я нашла в себе силы кивнуть. Понимала, что сама спровоцировала в Лютом эту вспышку и, хоть была напугана до дрожи в руках, смотрела на Лёшу во все глаза. Я ждала, жаждала и вызывала в нём образ того неудержимого хищника, с которым свела меня судьба. Ещё до того момента, когда в чёрном взгляде не было бесконечной вины.

– Саша – мой ребенок. Уяснила?

– Конечно, – шёпот прозвучал едва слышно.

Казалось, прикоснись Лёша сейчас ко мне, я и рассыплюсь тающим пеплом.

– А теперь иди в кровать, Ангел, поиграем, раз ты этого так сильно хочешь, – муж зловеще улыбнулся и, подхватив меня за локоть, повел в комнату. – Если это и есть цена за мой поступок, так тому и быть.

Пропустив меня внутрь, Леша тихо закрыл дверь в нашу спальню, будто не злился и не шипел несколько секунду назад. Медленно повернулся и глянул исподлобья. Большой, страшный, яростный.

– Раздевайся, – строго сказал Лютый и показал на кровать.

Глава 16. Лютый

Взгляд её заметался, плечики приподнялись, будто уже пожалела о своём предложении. Словно пыталась придумать, как отступить. Руки на миг сжали пояс, и халат, медленно скользя по телу, с шуршанием лёг Лине под ноги. Она осталась в одних трусиках. Обнажённая, беззащитная, с округлым животиком и пышной грудью, тёмные соски которой дерзко сжались в тугие бутончики.

Шагнул к ней. Лина дрогнула ресницами, но не отступила.

Кирсанова крутила мной, как хотела. Зря я признавался, открывал ей душу – все это будет использовано против меня. Неисправимая дочь олигарха. Избалованная. Капризная. Или это беременность, повышенная чувствительность, гормоны? Что за хрень? Куда делась нежная и внимательная – мой Ангел? Хотя порочный ангел мне тоже был по вкусу.

Но как она посмела мне угрожать детьми? Почему? Чтобы унижался и был рядом вечно, вылизывал пол под ее ногами? Чтобы страдал, а она наслаждалась моим разрушением? Сердце сжималось, обливалось кровью оттого, что я вернул сына, но он не видит во мне близкого и родного человека, а Лина еще хуже делает, не подпускает, будто она его настоящая мама.

Но я же решил ответить за все! Только так смогу отвести удар от семьи. Придется довериться Лине, придется оставить Сашку в доме Кирсановых. Так будет безопасно, даже если он никогда не назовет меня папой. Даже если я никогда больше не смогу притронуться к жене.

Провел ладонями снизу вверх по тонким рукам Ангелины, собирая ее дрожь. Она зажмурилась и затрепетала, светлая кожа покрылась мурашками. Откинув пышные волосы с плеча, коснулся его губами. Как же она пахнет. Как я давно мечтал вот так, без преград, без ограничений изучать ее, подарить счастье близости, научить чувственности. Сделать своей.

Девушка сжимала кулачки, не двигалась и, приоткрыв губы, подхватывала воздух. Да, больнее чем есть, уже не будет. Ей нужен просто секс, не я, как личность, не Лешка Береговой – спортсмен и активист, а просто игрушка для утех. С этим давно нужно было смириться. Все обещания Ангелины меня простить, дать шанс – пустота. Но почему тогда к Насте приревновала? Ведь соврала, что это не так, я по глазам видел, как она разъярилась из-за Волковой. Хм… Лина подумала, что прошлой ночью я был у бабы? Как интересно.

Отстранился и плавно сместил руки на ключицы, затем еще ниже, ловя каждое дыхание жены, каждую дрожь, пока в ладони не уткнулись острые сосочки. Ангелина сдавленно застонала, а я заулыбался. Да-а-а… Она сама не признает, но я ей нравлюсь. Когда сказал об этом в другой комнате, она аж захлебнулась возмущением, но не успела ничего сказать, я свалил. Да и ничего не нужно объяснять, я все понимаю, и самое болезненное, что не хочу, чтобы она в меня влюблялась, не хочу, чтобы ей было больно. А ей больно.

Нам обоим больно.

Я собрал ее руки в свои ладони и поднял их себе на плечи. Вижу, как Лина желает этого, закусывая губу, пряча под томным взглядом синь глаз. Чувствую, как ей нравится скользить пальчиками по коже. Или Ангел думает, что ночью я не замечал, как она, нежно поглаживая мою спину кончиками пальцев, изучала лопатки и плечи, надеясь, что я глубоко сплю? Нет, с ней рядом я почти никогда не спал. Стоило маленькой вздохнуть, задрожать, шевельнуться, потянуться за одеялом – я открывал глаза и больше не мог уснуть.

Пару раз она вертелась так сильно, наверное снился жуткий монстр со шрамом, что у меня случилась поллюция. Пришлось идти в душ и стоять у окна до рассвета, смиряясь с тем, что я расходный материал для мира. Из меня не вырос нормальный сын, не вышел спортсмен, не случился отец и муж.

Я устал держать свои чувства взаперти. Забота, внимание – этого мне мало, я хотел другого. И сегодня наступил переломный момент. Хватит слов любви, она больше их не услышит, подарю жене несколько дней наслаждения, пока могу, а дальше разойдемся с миром. Пусть заберет у меня все, я согласен, лишь бы ей было хорошо.

Я присел около девушки и, подцепив кружево трусиков, потянул их вниз. Вытянул одну ногу из плена, затем вторую. Прижал к губам крошечное белье, втянул ванильно-пряный запах, отчего Лина распахнула глаза и еще гуще покраснела.

– Ложись на кровать, – привстав, протянул жене руку и ждал реакции. Испугается – отступлю. Достаточно, что она побледнела в коридоре, когда я вызверился. Чуть не бахнулся головой в стену, когда осознал, что не сдержался и напал на нее. Дурак.

Лина, не отрывая от меня пристального взгляда, медленно опустилась на кровать, дрожащими руками вцепилась в покрывало и нервно облизала губы. Внешне покорная, но напряжённая внутри, как натянутая струна, казалось – тронь, и зазвенит.

И она звенела. Когда я наклонился, запер ее руками с двух сторон и всмотрелся в глаза. Горят. Едва ли не искрят от желания. Я даже отряхнулся, чтобы не оказалось, что брежу. Нет же! Губы приоткрыты, дыхание частое, зрачки, как блюдца, кожа покрылась мелким бисером пота.

И слизывая от живота до груди эти мелкие капельки, я съедал ее трепет, впитывал вкус, добавлял жара в кровь, замирая на грани своих желаний. Руки Лины крепко держал над головой, когда поднялся к утонченным скулам, обвел языком губы, но не поцеловал ее, лишь дождался, что потянется, заскулит, прикусит щеку изнутри, сдерживаясь от порыва.

Я еще никогда так не делал. Обычно брал женщин сразу, особенно после Милы мне сложно было вообще кому-то дарить свою нежность. Я таранил их и через несколько минут забывал. Каждую.

Но Лину мне хотелось изучать, запомнить, впитать. Вот родинка на правом плече. Крошечная, как звездочка. Вот шрам возле ребра, как веточка амброзии. Где же маленькая упала? Я не узнаю и не спрошу. Не смею я врастать в нее еще больше, еще глубже. Я уже не живу – существую. Как собака на цепи. Она давно моя хозяйка, только не осознает этого.

Провел пальцами по узору шрама и положил ладонь на живот. Дочурка отзывчиво ткнулась навстречу, и мне пришлось сцепить зубы и сдержать слова

радости. Я не хочу раскрываться. Каждый шаг навстречу Ангелу – это падение с высоты на острые колья вины. Хватит. Я не мученик, бесконечно сдерживать удары по сердцу не могу.

Легче отступить.

Только не сегодня. Широкими движениями погладил выступающие ребра, спустился ниже и настойчиво развел жене ноги. Не дожидаясь, что начнет зажиматься, приласкал языком упругий бугорок.

Ангелина выгнулась со стоном. Придержав ее, поймал новые волны дрожи и позволил себе пойти дальше. Плавно ввел в горячую глубину палец и, постукивая кончиком языка по клитору, поднял голову и столкнулся с горячим взглядом жены. Этот взгляд говорил «да», и я качнулся вверх, осторожно вытянул пальцы, облизал их, а потом поцеловал Ангелину, как всегда хотел. Жадно, глубоко, со всей присущей мне страстью. До жжения на языке, до сжатой пружины в паху. И когда Лина разошлась, а женское тело расслабилось, размякло и тонкие крепкие пальцы впились в мои волосы, я вклинился между ног и настойчиво вошел. На всю длину.

Лина сорвалась с пика сразу. Впилась ноготками в кожу моих плеч до крови, сжала меня внутри, запульсировала и сдавленно закричала мне в грудь.

– Малышка… Нужно было лишь сказать, что тебе этого хочется, – прошептал я, едва удерживаясь на руках. Боялся прижать ее животик, боялся навредить ребенку, боялся пошевелиться.

Когда девушка затихла и опала, я почти хладнокровно вышел из нее, себе удовольствие доставлять не собирался, и отнес жену в душ. Ласково вымыл от пота и спермы, долго растирал податливое тело мылом, а затем, закутав в полотенце, отнес Лину назад в кровать. Она уснула на руках и не услышала, как зазвонил мой телефон.

Я поднялся, проверил, чтобы жена была хорошо укрыта, поцеловал ее в лоб, скользнул по виску губами, втянул запах ее кожи, аромат ее наслаждения и, подхватив мобилку, вышел в коридор.

Поспать не получилось.

Глава 17. Ангел

Я проснулась с улыбкой. Ещё не открыла глаз, а настроение уже зашкаливало. То, что произошло вчера, перевернуло мир с ног на голову… или с головы на ноги. В общем, в очередной раз потрясло меня. Но на этот раз не выпотрошила до ноющей пустоты в сердце, а наполнило до краёв. Так, что хотелось поделиться счастьем.

Сколько ночей я провела в одной постели с мужем? Не помню. Да и что там помнить? Мы лежали рядом, словно чужие. Но вчера всё изменилось. Да, я сама вызвалась… Практически бросила Леше в лицо перчатку. Махнула перед разъярённым зверем красным платьем. И, когда Лютый вжал меня в стену, жутко перепугалась. На миг я будто увидела того человека, с которым столкнула меня жестокая судьба.

Лютого. Каким он был. Без чувства вины. Без боли. С яростной целью крушить врагов.

Это страшно.

Это ужасно возбуждает.

Да, я осознаю, что нарочно сделала ему больно. Да, я сделала всё, чтобы вытащить на поверхность монстра, раздразнить зверя… Но я не виновата.

Лютый виноват. Это он посмотрел на ту девочку – сестру Волкова – так, как раньше смотрел лишь на меня. Будто готов отдать за неё жизнь.

Это взбесило. Но это в прошлом. Лютый мой. Всецело и безоговорочно. Да, он рычит, кусает… Покоряет. Но как же приятно покориться тому, кто сдался тебе! Может, это и есть любовь?

Я осторожно повернулась, и улыбка сползла с моего лица. Лютого рядом не было. Сжав губы, я постаралась не огорчаться, но часто-часто заморгала. На

ресницах повисли капельки. Я опять всё придумала.

Медленно поднялась и, сунув стопы в пушистые тапочки, потопала в ванную. В боку тянуло, между ног всё ныло и горело. Вчера я кончила, едва Лютый вошёл в меня. Да так, что в глазах потемнело. Я раньше лишь читала о таком. Это будто взрыв всех чувств, крушение мира и его возрождение.

Но больше всего поразило, как Лютый был нежен. Даже в нашу первую брачную ночь он не был таким. Тогда он был осторожен, да, но делал всё будто по приказу. Я скривилась: так оно и было. Мы трахнулись по указке Чеха.

А вчера была ночь любви.

Почему же тогда Лёша ушёл?

После душа я вышла из комнаты и, услышав голос отца, направилась в его кабинет. Папа разговаривал по телефону и, сделав мне знак заходить, прижал палец к губам. Я кивнула и, усевшись в одно из кресел, посмотрела в окно.

Поглаживая животик, думала о том, сколько за ночь выпало снега. Дворник, орудуя лопатой, разгрёб лишь дорожку от ворот к крыльцу, а работал, наверное, с самого рассвета.

По телу разливалось приятное тепло от одного воспоминания о томе, что было между мной и мужем, только на душе было неспокойно. Где же он сам?

И тут я замерла, услышав:

– Передай отцу, Григорий, что я сделаю всё возможное, чтобы уладить это недоразумение в кратчайшие сроки.

У меня спина похолодела: папа общается с Носовым? Дождалась, пока он положил трубку и спросила:

– Что за неприятность?

– Один из счетов заблокировали, – нехотя ответил отец и улыбнулся: – Как себя чувствуешь? Не хочешь позавтракать со мной?

– Не так сильно, как хочу узнать, что у тебя за дела с Носовым, – упрямо вернула я разговор в нужное мне русло. И прищурилась. – Я думала, после всего, что произошло, ты с ними не будешь работать.

– Детка, – папа сел за стол и сплёл пальцы рук. Глянул строго: – Личные дела ни при чём. Носов – негласный правитель этого города, а с такими людьми стоит считаться…

– Например, отдавать им невинных дочерей? – выгнула я бровь. – Пап, ты уговаривал меня выйти за Григория, но теперь вижу, что заботился в тот момент вовсе не обо мне. Иначе не работал бы с Носовым…

– И пошёл бы ко дну, – жёстко оборвал меня отец и вздохнул: – Милая, ваш союз решил бы кучу проблем, но, раз свадьбы не получилось, с ними приходится справляться другими способами.

– Каких проблем? – подалась я вперёд и впилась взглядом в окаменевшее лицо отца. Знала я это выражение. За внешней холодностью папа прятал чувство вины. – Я хочу знать, па. Что решила бы наша с Григорием свадьба?

Отец откинулся на спинку кресла и затарабанил пальцами по столу. Решился:

– Хорошо. Ангелина, ты всегда знала, что брак для людей нашего круга – лишь сделка.

Я приподняла брови: ну кто бы сомневался. «Купи-продай» от недвижимости до собственных детей. Так поступают все наши знакомые, я тоже особо не питала иллюзий. Потому и обрадовалась, когда мне предложили выйти замуж за высокого и красивого Григория, а не за, например, кривоногого Владимира – сына одного из партнёров моего отца.

Папа вздохнул и отвернулся к окну. Меня это насторожило: что же такого он не говорил мне раньше? После того, что мне пришлось пережить, трудно было признаться?

– Не говори Береговому, – тихо начал отец, и у меня от дурного предчувствия по телу побежали мурашки. – Тот бой… Его последний бой был моей последней надеждой. – Он горько усмехнулся и покачал головой. – Не суди меня строго. Время было тяжёлое, я сильно просел в прибыли и стоял на грани банкротства. Носов неожиданно протянул мне руку помощи. Мне было обещано партнёрство взамен на договорённый бой. Лютый должен был проиграть.

Я почти не дышала, понимая, что сейчас слышу то, о чём пожалею. Уже жалею, что спросила. Хрипло уточнила:

– Так ты… действительно…

Перед глазами темнело, к горлу подкатывала тошнота от осознания того, что мой отец был причастен к горю Береговых. Не так, как считал Лёша, но всё же не настолько чист, как бы мне хотелось.

– Я приказал проиграть, – сухо кивнул отец. Он не смотрел на меня. Видно было, что слова давались ему с трудом, но приносили облегчение. Словно он нёс это бремя долгие годы и теперь, наконец, получил возможность покаяться. Вот только не мне это нужно было говорить, а Леше.

Папа продолжил:

– Но он победил. Я думал, жизнь рухнула, и нам с тобой придётся переехать в другую страну… Если не найдут кредиторы, то, может, выживем. – Губ отца коснулась горькая усмешка. – Носов же, казалось, не огорчился. Предложил мне альтернативу. Мои… так сказать… течения средств. И тебя.

Он, наконец, посмотрел прямо мне в глаза.

Я же не могла дышать, сжимала подлокотники кресла и хватала ртом воздух. Едва справившись с собой, просипела:

– С тех пор ты отмываешь для него деньги? – У меня в глазах потемнело от мысли, насколько папа увяз в этом. А я? Насколько увязла я? – Клиника тоже задействована?

– Нет, – отец покачал головой. – Ты и твой бизнес чисты.

– Но, – потёрла ноющую грудь. – Зачем Носову я? Ты и так целиком зависел от него.

– Он дал мне опору, и я быстро поправил свои дела, – усмехнулся папа. – В нашем деле репутация и слухи значат даже больше, чем количество нулей на счёте. Слово Носова, и я снова на коне.

– Ему нужно было, чтобы ты и дальше проводил его деньги по своим каналам, – догадалась я.

– И без комиссии, – кивнул папа. – Но… сделка сорвалась.

– Свадьба отменилась, – прошептала. – Как я рада этому.

– Никогда не думал, что скажу это, – тихо признался отец, – но и я рад. Носов бы стал единоправным владельцем этого города. Меня, скорее всего, уже бы не стало. Да и ты бы пропала после того, как подарила Григорию наследника.

Я обхватила себя за плечи и, дрожа, пробормотала:

– Зачем Носову тебя убивать? Ты бы стал его родственником…

– И других наследников у меня нет, – жёстко усмехнулся отец.

Я замолчала, пытаясь переварить откровение папы. Оставались вопросы… Например, зачем Носову был нужен проигрыш Берегового, но я не была уверена, что готова к новым ответам.

– Поэтому, – холодно закончил отец, – какими бы ни были наши отношения, мне придётся вести дела с Носовым. Это мой самый крупный клиент… И самый сильный враг.

Я с трудом выбралась из кресла. Колени подгибались, голова кружилась, но я выпрямила спину и кивнула:

– Ясно. – И, направляясь к выходу, тише добавила: – Спасибо, что рассказал.

– Сожалею, – донеслось мне в спину.

Держась за стену, я вышла из кабинета и, осторожно спустившись по лестнице, направилась на кухню.

– Доброе утро, – улыбнулась Ира. Зарумянившаяся, она лепила пирожки с мясом. – Завтрак готов. Какао на столе…

– Не видела Алексея? – перебила я.

– Он недавно вернулся, – непонимающе нахмурилась Ира. – Привёл вашу лошадь. Ту, что беременна… не помню кличку.

– Агата, – кивнула я и улыбнулась: – Вот куда он ушёл. А сейчас где мой муж?

– Поднялся в комнату той девушки, что привезли вчера, – весело ответила Ира.

Сердце ёкнуло, в груди заклубилась чернота. Опять?!

Глава 18. Лютый

Ночь выдалась холодной, ветреной и снежной. Такой злой, что конюшня трещала по швам, а мы еще первую половину не отремонтировали. Пришлось вызвать фургон и забрать Агату домой. По дороге мы завязли в снегу, и джип еле вытащил огромную машину из сугроба. Мы с водителем и конюхом не только вспотели, но и напрочь содрали кожу на ладонях о лопаты. После порезов и мозолей я теперь и прикоснуться к Лине не смогу нормально, буду царапать ее нежную кожу.

Отчего-то хотелось улыбаться. Оттого, как она кончила, стоило мне войти. Как она уснула, доверившись моим рукам. Это было, как лучик света во тьме. Как маленькая надежда. Вдруг я зря себя накручиваю, и мы сможем быть семьей? Но

нужно избавиться от Чеха, иначе все это – карточный домик.

Сейчас непогода по-настоящему защищала нас от нападок врагов. Кому захочется лезть по такому снегу, чтобы нас убрать? Да и ощущения были странные после деревни и взрыва. Кого убить хотели? Меня или Лину? А главное, зачем?

К дому Кирсановых приехал к рассвету. Пока завел лошадь в стойло, пока помог дворнику дорожку очистить, солнце выползло довольно высоко и уныло зависло над головой. Едва переставляя ноги – казалось, доползу до кровати и несколько суток не проснусь – я завалился в холл. Ирина уже готовила завтрак, как-то хмуро посмотрела на меня, что снега в гостиную принес, но ничего не сказала.

Я скинул липкую от пота одежду, ополоснулся в душе на первом этаже и вернулся в кухню, чтобы выпить воды. Лопатой накидался так, что мышцы рук и спины гудели, и безумно горело нёбо, будто по нему прошлись наждаком. Одного стакана было мало, выпил два.

– Может, омлет? – спросила Ирина, глядя на меня во все глаза. Она женщина довольно холодная по общению, я не сильно ей доверял, но жена верила, как родному человеку, потому я относился с уважением к экономке.

– Я с Линой позже поем, спасибо.

Я собирался вернуться в комнату, прилечь около жены, что еще сладко спала, обнять ее и хоть на миг расслабиться, но в коридоре услышал стон из Настиной комнаты. Заглянул осторожно, зашел внутрь и замер у кровати. Девушка мотала головой и сдавленно мычала. Подойдя ближе, я попытался успокоить Волкову, погладил ее по худеньким костлявым рукам. Она сцепила зубы, а потом шумно выдохнула и затихла. Что-то снилось. Бедная, натерпелась.

Можно осуждать меня за то, что привязан к родственнице врага. Можно ревновать к этой светлой девчонке, которую сломала жизнь. Но это никогда не поменяет моего отношения к Волковой – она для меня сестра. Пусть не родная, но сестра. И Серый тоже брат. Был. Я лишь представил, что он умер, трагично погиб, хотя самообман не особо работал – кулаки чесались, стоило представить, что он творил с Милой и сколько потом притворялся хорошеньким. Он даже собрал отряд, чтобы тело жены найти. Подонок. Смотрел, как я корчусь на ее

могиле, хлопал по плечу и незаметно усмехался, что никто ничего не понял. Чтоб ты сгнил в тюрьме!

Как я уснул, сидя возле Насти и поглаживая ее холодные руки, не помню, но зато пробуждение оказалось резким и неприятным.

Лина неласково потеребила меня за плечо и холодно произнесла:

– Не хотела тебя отвлекать от верной службы у ног сестры убийцы твоей жены, но всё же решила сообщить, что мне нужно отлучиться по делам. Бизнес. Если ты сможешь присмотреть за Сашей, я не стану вызывать няню. Но… – Она с кривой улыбкой и тёмным взглядом покосилась на Настю. – Но если ты занят, я найду хорошего специалиста.

Хотелось разозлиться, но ее милая ревность внезапно плеснула в душу тепла. С трудом сдержав улыбку, повернулся, размял затекшую руку на которой спал, прищурился и медленно встал. Жена отступила к стене и испуганно распахнула глаза. Она рослая, но рядом со мной все равно маленькая. Хрупкая.

– Я должен служить только тебе, Ангел? Ведь так? – Голос сел, оттого казался жутко-пугающим. Шагнул вперед, и Лина прижалась спиной к стене. Мне стоило быть осторожней, но так хотелось ее подразнить, потому я, не церемонясь, впился в ее губы и украл еще один безумный поцелуй. Щекотал, посасывал, запутывал ее язык, пока в брюках не стало тесно и больно. Когда оторвался, пришлось Лину придержать за плечи, чтобы не съехала на пол. – Куда это ты намылилась, женушка? – добавил сипло.

Лина тяжело дышала, переводила взгляд с меня на Настю, будто приходила в себя, ощутив моё возбуждение. Щёки её заалели, в голосе послышались виноватые нотки:

– Лёш, мне не нравится, что ты сам ухаживаешь за Настей. Может, наймём сиделку? И тебе будет спокойнее… – Отвела взгляд и закончила: – И мне.

Отступила к двери и поспешно сменила тему:

– Мне нужно отлучиться по делам фонда, уладить кое-какие финансовые вопросы. Это не займёт много времени. – Снова посмотрела на меня и улыбнулась: – Я не прошу тебя поехать со мной, ведь ты не телохранитель и не личный водитель… – Улыбка её растаяла, глаза полыхнули. – Сама справлюсь.

Ухмыльнулся, услышав шпильку – маленькая вернула мне обвинение, что я для неё лишь прислуга. Будто ей действительно было больно услышать те слова, словно я для неё нечто большее, чем думал. Но стоило представить это, как Лина холодно, по-деловому, напомнила:

– Прошу, стучись к Саше прежде, чем зайти. Постарайся не улыбаться. Твое искаженное лицо пугает мальчика и… – Тут она встрепенулась: – Точно! Папа обещал Сашке, что научит его кататься на лошади, но ему некогда. Предложи сыну пройтись с тобой до конюшни, когда пойдёшь проверять Агату. Врач говорила, что ребёнку полезен контакт с животными. Я надеюсь, что, пока я на фирме, вы тут не… – Она подняла лицо, и при улыбке вокруг небесного цвета глаз собрались лукавые лучики. – Не поссоритесь.

Взялась за ручку двери и замерла на мгновение, будто хотела что-то добавить, но, покосившись на меня, лишь поджала губы и вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ИВС – изолятор временного содержания.

2

“Лютый” – по-украински “февраль”.

Купить: https://tellnovel.com/korotaeva_ol-ga/nevinnaya-dlya-lyutogo-iskuplenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити